

Керри Манискалко

Охота на князя Дракулу

Охота на Джека-потрошителя

Керри Манискалко

Охота на князя Дракулу

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Манискалко К.

Охота на князя Дракулу / К. Манискалко — «Издательство АСТ»,
2017 — (Охота на Джека-потрошителя)

ISBN 978-5-17-111693-4

Выяснив, кто же скрывался под маской Джека-потрошителя, опечаленная и удрученная Одри Роуз Уодсворт уезжает из Лондона в Румынию. Вместе с другим учеником своего дяди, очаровательным Томасом Кресуэллом, она попадает в замок Бран – это не только одна из лучших в мире школ судебной медицины, но и дом Влада Колосажателя, чья жажда крови стала легендарной. Девушка с удовольствием погружается в учебу, однако вскоре в замке и его окрестностях начинают происходить преступления, а люди шепчутся, что Влад Дракула вернулся. А вот Одри Роуз уверена, что всему виной подражатель, и это значит, что ей вновь предстоит найти преступника. Вот только сможет ли она пережить еще одно потрясение и справиться с такой опасной задачей?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111693-4

© Манискалко К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	30
Глава седьмая	36
Глава восьмая	43
Глава девятая	46
Глава десятая	52
Глава одиннадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Керри Манискалко

Охота на князя Дракулу

Kerry Maniscalko
HUNTING PRINCE DRACULA

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Серия «#YoungDetective»

© 2017 by Kerri Maniscalco
© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Маме и папе, за то, что научили меня, что между страницами
книг таятся бесчисленные приключения.*

*И моей сестре, за то, что путешествовала вместе со мной во все
таинственные края, реальные и вымышленные.*

*В чертогах смерти, видно, пир горой,
Что столько жертв кровавых без разбора*

*Она нагромоздила¹.
«Гамлет», акт 5, сцена 2
Уильям Шекспир*

¹ Перевод Б. Пастернака

Глава первая

Призраки прошлого

«Восточный экспресс»

Королевство Румыния

1 декабря 1888 года

Наш поезд со скрежетом продвигался по замерзшим рельсам к заснеженным вершинам Карпатских гор. Отсюда, со стороны Бухареста, столицы Румынии, они были цвета сходящей гематомы.

Судя по сильному снегопаду, горы эти были холодны, как труп. Чудесная мысль для такого бурного утра.

В резную деревянную панель моего купе стукнуло колено. Снова. Я закрыла глаза, молясь, чтобы мой попутчик заснул. Еще одно содрогание его длинных конечностей могло разрушить мое хрупкое самообладание. Я прислонилась головой к высокой бархатной спинке сиденья и сосредоточилась на мягкой ткани, чтобы не ткнуть в эту преступную ногу шляпной булавкой.

Почувствовав мое растущее раздражение, мистер Томас Кресуэлл поерзал и принялся барабанить пальцами в перчатке по подоконнику нашего купе. Которое на самом деле было моим купе.

У Томаса имелось собственное помещение, но он упорствовал в желании целыми днями находиться в моем обществе. А то вдруг в поезде объявится серийный убийца и устроит бойню?

Во всяком случае, именно это смехотворное объяснение он предложил нашей компаньонке, миссис Харви. Это была очаровательная седовласая женщина, которая присматривала за Томасом, когда он обитал в своей квартире на Пикадилли в Лондоне. Сейчас она задремала в четвертый раз за день. Удивительная способность, если учесть, что рассвело не так уж давно.

Отец заболел, когда мы были в Париже, и вручил свое доверие и мою добродетель попечению миссис Харви и Томаса. Это красноречиво свидетельствовало о том, какого высокого мнения отец был о Томасе, а также о том, как очаровательно и невинно мог держаться мой друг, когда его к тому побуждали настроение или обстоятельства. Мои руки в перчатках вдруг сделались горячими и влажными.

Чтобы избавиться от этого ощущения, я перенесла внимание с темно-каштановых волос и накрахмаленного сюртука Томаса на его отложенный в сторону цилиндр и румынскую газету. Я достаточно изучила этот язык, чтобы понимать большую часть того, что там было написано. Заголовок гласил: «Неужто бессмертный князь вернулся?» Неподалеку от Брашова – того самого селения, в которое мы направлялись, – был найден труп с колом в сердце, и это заставило суеверных людей поверить в невероятное: Влад Дракула, умерший много веков назад румынский князь, жив. И вышел на охоту.

Все это было вздором и предназначалось для того, чтобы вызвать страх и продать газету. Бессмертных не существует. Люди из плоти и крови бывают настоящими чудовищами, но их не так уж трудно сразить. В конце концов, даже Джек-потрошитель истек кровью, как обычный человек. Хотя газеты до сих пор твердили, что он рыскает по туманным улицам Лондона. Некоторые даже заявляли, что он уехал в Америку.

Если бы только это было правдой...

Слишком знакомая боль пронзила мое сердце, не давая дышать. Это повторялось всякий раз, как я думала про дело Потрошителя и бередила воспоминания. Когда я смотрелась в зер-

кало, то видела все те же зеленые глаза и алые губы: в лице моем нетрудно было разглядеть как индийские корни моей матери, так и английский аристократизм отца. Внешне я по-прежнему оставалась полной жизненных сил семнадцатилетней девушкой.

Но душа моя получила сокрушительный удар. Я не понимала, почему я выгляжу такой невозмутимой и цельной снаружи, если внутри у меня все разбито вдребезги.

Дядя ощутил эту произошедшую со мной перемену, ибо заметил, какие ошибки я начала допускать по невнимательности в его судебной лаборатории в последние несколько дней. Я забыла использовать карболовую кислоту, когда мыла инструменты. Я не взяла образцы. Я проделала в застывшей плоти рваную дыру. Это разительно отличалось от обычного моего тщательного и четкого обращения с телами на столе для вскрытий. Дядя ничего не сказал, но я знала, что он разочарован. Предполагалось, что мое сердце должно лишь укрепляться перед лицом смерти.

Возможно, я все-таки не создана для криминалистики.

Тук. Тук-тук-тук. Тук.

Томас постукивал в такт пыхтению паровоза. Я скрипнула зубами. Просто невероятно, как миссис Харви удается спать при таком шуме. Ну что ж, по крайней мере, Томас сумел выудить меня из омута эмоций. Эти чувства все еще оставались слишком тихими и мрачными. Застоявшимися и зловонными, словно болото с глазающими из глубины красноглазыми тварями. Образ, вполне соответствующий тому месту, куда мы направлялись.

Вскоре нам всем предстояло сойти в Бухаресте, чтобы проделать в экипаже оставшуюся часть пути до замка Бран, где располагалась Академия судебной медицины и науки, или Institutului National de Criminalistica si Medicina Legală, как ее называли в Румынии. Миссис Харви предстояло провести пару ночей в Брашове, прежде чем отправиться обратно в Лондон. В глубине души мне хотелось вернуться с нею вместе, хотя я никогда не призналась бы в этом Томасу.

Над нашим купе в такт движению поезда покачивался полупрозрачный светильник; его хрустальные подвески позвякивали и добавляли дополнительный тон аккомпанемента к отрывистому постукиванию Томаса. Я изгнала этот непрекращающийся мотив из своих мыслей и стала смотреть на мир за окном, но картину затуманивали клубы дыма и качающиеся ветви деревьев. Лишенные листвы ветки были заключены в сверкающую белую оболочку. Их отражения мерцали на иссиня-черных полированных боках нашего роскошного поезда, когда передние вагоны поворачивали и прокладывали путь сквозь этот скованный морозом край.

Я придвинулась к окну и поняла, что ветки покрыты не снегом, а льдом. Их озарил первый свет дня, и в красновато-оранжевых лучах восходящего солнца эти ветки буквально вспыхнули. Это зрелище было таким мирным, что я почти забыла... волки! Я встала так резко, что Томас вздрогнул на своем месте. Миссис Харви громко всхрипнула; звук этот напоминал рычание. Я моргнула, и животные исчезли, сменившись качающимися ветвями. Поезд с пыхтением продвигался вперед.

То, что я приняла за сверкающие клыки, было всего лишь зимними сучьями. Я облегченно выдохнула. Всю ночь мне мерещился волчий вой. Теперь я и днем увидела то, чего не было.

– Я намерена... немного размяться.

Томас приподнял темные брови – несомненно, поражаясь (или, что более вероятно для тех, кто его знает, восхищаясь) такому вопиющему нарушению правил благопристойности. Он привстал, но прежде, чем он успел предложить сопровождать меня или разбудить нашу компаньонку, я ринулась к двери и распахнула ее.

– Мне нужно несколько минут побыть одной.

Томас на мгновение замешкался с ответом.

– Постарайся не скучать по мне слишком сильно, Уодсворт. – Он сел обратно, и лицо его на миг омрачилось, прежде чем снова приобрести шутливое выражение. Но веселость не коснулась его глаз. – Хотя это может оказаться невозможной задачей. Я и сам ужасно скучаю по себе, пока сплю.

– Что случилось, дорогой? – спросила миссис Харви, моргая под очками.

– Я сказал, что вам стоит попытаться считать овец.

– Я снова заснула?

Я воспользовалась тем, что они отвлеклись друг на друга, захлопнула за собою дверь и подхватила юбки. Я не хотела, чтобы Томас заметил выражение моего лица. То самое, с которым я не могу совладать в его присутствии.

Я пошла по узкому коридору в сторону вагона-ресторана, едва замечая окружающую помпезность. Мне нельзя было долго находиться здесь без сопровождения компаньонки, но я нуждалась в бегстве. И не только от собственных мыслей и тревог.

На прошлой неделе я увидела, как моя кузина Лиза поднимается по лестнице к нам в дом. Казалось бы, что может быть обычнее? Но только вот Лиза уже несколько недель как уехала в деревню. Несколько дней спустя произошел еще более мрачный инцидент. Я была убеждена, что труп в дядиной лаборатории поднял голову и посмотрел на меня. Его немигающий взгляд, полный презрения, был устремлен на скальпель у меня в руке, а рот его изрыгнул личинок на стол для вскрытия. Я моргнула – и все снова сделалось нормальным.

Я прихватила с собой в поездку несколько медицинских журналов, но у меня не было возможности изучить свои симптомы, ибо Томас не скрываясь наблюдал за мной. Он сказал, что мне нужно посмотреть в лицо моему горю, но я пока что не была готова ковыряться в этой ране. Возможно, когда-нибудь...

Через несколько купе чья-то дверь отворилась, возвращая меня в настоящее. Из купе вышел мужчина с тщательно уложенными волосами и быстро зашагал по коридору. Его угольно-черный костюм был пошит из хорошей ткани – это становилось ясно по тому, как он облегал широкие плечи хозяина. Когда мужчина достал из кармана сюртука серебряный гребень, я чуть не вскрикнула. Внутри у меня что-то содрогнулось, и ноги едва не подкосились.

Этого не могло быть. Он умер несколько недель назад от чудовищного несчастного случая. Мой разум знал, что передо мной стоит невозможное, удаляется от меня с его безукоризненной прической и прекрасно сидящей одеждой, но мое сердце отказывалось прислушиваться к доводам разума.

Я подхватила свою бежевую юбку и кинулась вдогонку. Я узнала бы эту походку из тысячи. Наука не в состоянии объяснить силу любви и надежды. Ни формулы, ни рассуждения не помогают понять ее, что бы там ни твердил Томас, сравнивая науку с человеческой природой.

Мужчина приподнял шляпу, приветствуя пассажиров, сидящих за чаем. Я, едва замечая их изумленные взгляды, кинулась за ним, моя собственная шляпа съехала набок.

Мужчина подошел к двери курилки и приостановился на мгновение, сражаясь с внешней дверью, что вела в проход между вагонами. Дым вырвался из курилки и смешался с порывом ледяного ветра. Запах был так силен, что у меня закружилась голова. Я вцепилась в мужчину и рывком развернула его к себе, готовая кинуться ему на шею и разрыдаться. События последнего месяца были обычным кошмаром. Мой...

– Домнисора?

Мои глаза защищало от слез. Прическа и одежда принадлежали не тому человеку, о котором я думала. Я смахнула предательские капли, заскользившие по моим щекам, не думая о том, не размазала ли я подводку.

Незнакомец поднял трость с набалдашником в виде головы змеи и переложил ее в другую руку. Он даже не держал гребня! Я потеряла соприкосновение с реальностью. Я медленно

попятилась, отметив про себя тихие разговоры в вагоне позади. Постукивание чайных чашек, смешанный акцент путешественников из разных уголков света – все это нарастало у меня в груди. Паника мешала дышать сильнее, чем корсет, сдавивший ребра.

Я тяжело дышала, пытаюсь набрать побольше воздуха, чтобы успокоить свои расшатавшиеся нервы. Болтовня и смех превратились в пронзительный визг. В глубине души мне хотелось, чтобы паника заглушила лихорадочный стук крови у меня в голове. Мне казалось, что сейчас меня стошнит.

– Домнисора, вам плохо? Вы выглядите...

Я рассмеялась, не обращая внимания на то, что моя внезапная вспышка заставила мужчину отшатнуться. О, если бы высшая сила существовала, как она сейчас позабавилась бы за мой счет! «Домнисора» наконец встала на место «мисс». Этот человек даже не был англичанином. Он говорил по-румынски. И он вовсе не был блондином. У него были светло-каштановые волосы.

– Скузе, – сказала я, заставляя себя прекратить истерику и хоть как-то извиниться, и чуть склонила голову. – Я приняла вас за другого.

И чтобы не поставить себя в еще более неловкое положение, я опустила голову и поспешно отступила в наш вагон. Я шла, не поднимая глаз и не обращая внимания на шепотки и хихиканье, но слышала я достаточно.

Мне нужно было собраться, прежде чем снова появиться перед Томасом. Я видела, как лоб его пререзают морщины беспокойства – хоть и притворялась, будто не замечаю этого. Понимала, что он заботится обо мне, когда пытается поддразнить или разозлить. Я точно знала, что он делает всякий раз, когда изводит меня. После того, через что прошла моя семья, все прочие джентльмены обращались со мной, словно с фарфоровой куклой, хрупкой, разбитой и выброшенной за ненадобностью. Впрочем, Томас не походил на прочих молодых людей.

Я с излишней поспешностью вошла в наш вагон и расправила плечи. Настало время для невозмутимой маски ученого. Слезы мои высохли, а сердце сжалось в груди, словно кулак. Я сделала вдох и выдох. Джек-потрошитель никогда не вернется обратно. Утверждение столь же реальное, сколь и прочие.

В этом поезде нет серийных убийц. Еще один факт.

Осень Ужаса закончилась месяц назад.

Волки, несомненно, не охотятся ни на кого в Восточном экспрессе.

Если я не поберегусь, то скоро поверю в воскресшего Дракулу.

Я позволила себе еще один глубокий вздох, затем отворила дверь, изгнав все мысли о бессмертных князьях, и вошла в наше купе.

Глава вторая

Бессмертный возлюбленный

«Восточный экспресс»

Королевство Румыния

1 декабря 1888 года

Томас упрямо глядел в окно. Его обтянутые кожаной перчаткой пальцы продолжали выстукивать все тот же раздражающий ритм. Тук. Тук-тук-тук. Тук.

Миссис Харви вновь дремала, что было не удивительно. Ее тихое посапывание свидетельствовало, что она снова заснула через несколько мгновений после моего ухода. Я пристально взглянула на моего спутника, но он либо счастливо не замечал меня, либо, что скорее, притворялся, что не замечает, когда я опустилась на сиденье напротив него. Его профиль представлял собою чередование безукоризненных линий и углов, и все они были старательно развернуты к зимнему миру за окном. Я знала, что он чувствует мое внимание: для рассеянной задумчивости его губы были чересчур изогнуты от удовольствия.

– Томас, тебе непременно нужно продолжать этот отвратительный стук? – спросила я. – Он доводит меня до безумия не хуже какого-нибудь из злосчастных персонажей По. И кроме того, бедной миссис Харви наверняка снятся ужасные вещи.

Он перенес внимание на меня. Темно-карие глаза на мгновение сделались задумчивы. Это был тот самый взгляд – теплый и зовущий, как солнечная дорожка холодным осенним днем, – что означало проблему. Когда уголок его губ приподнялся, я буквально увидела, как его рассудок обдумывает дерзкие идеи. Эта кривая улыбка навевала мысли, которые тетя Амелия сочла бы абсолютно непристойными. И то, как Томас опустил взгляд на мои губы, свидетельствовало, что он об этом знает. Изверг.

– По? Ты планируешь вырезать мне сердце и спрятать его под кроватью, Уодсворт? Должен признаться, твоя спальня – не идеальное место для завершения существования.

– Ты отвратительно уверен в своей способности очаровать всех, за исключением змей.

– Воистину. Наш последний поцелуй был весьма волнующим. – Он подался вперед, и его красивое лицо оказалось чересчур близко к моему. Ну и что толку в компаньонке? Я разглядела крохотные крапинки на его радужке, и мое сердце учащенно забилося. Эти крапинки напоминали маленькие солнышки, притягивавшие меня своими зачарованными лучами. – Не говори, что не воображала себе еще один.

Мой взгляд быстро скользнул по его исполненному надежды лицу. Истина заключалась в том, что, несмотря на все ужасы, случившиеся месяц назад, я действительно обдумывала идею очередной романтической встречи с Томасом. И это в определенной степени казалось мне предательством по отношению к моему трауру.

– Первый и последний поцелуй, – напомнила я ему. – Это был адреналин, переполняющий мои жилы после того, как я едва не погибла от рук тех двух негодяев, а вовсе не твое безграничное обаяние.

Теперь он окончательно расплылся в озорной улыбке.

– Если я обнаружу грозящую нам опасность, привлечет ли это тебя снова?

– Ты же знаешь, что нравишься мне куда больше, когда молчишь.

– Ах! – Томас выпрямился и глубоко вздохнул. – Но это означает, что я все же тебе нравлюсь!

Я с трудом сдержала улыбку. Мне следовало бы знать, что этот негодник найдет способ повернуть наш разговор в столь неприличное русло. На самом деле меня удивило, что ему

потребовалось столь много времени, чтобы перейти к развязному тону. От Лондона до Парижа мы ехали вместе с моим отцом, поскольку он желал лично посадить нас на производящий глубокое впечатление «Восточный экспресс», и Томас всю дорогу вел себя как безупречный джентльмен. Я едва его узнавала, когда он дружески беседовал с отцом за булочками и чаем.

Если бы не его лукавый изгиб губ в те моменты, когда отец на что-то отвлекался, и не знакомые очертания упрямого подбородка, я бы заявила, что это самозванец. *Этот* Томас Крессуэлл никак не мог быть тем самым раздражающе умным молодым человеком, к которому я за прошлую осень стала относиться чересчур тепло.

Я заправила выбившуюся прядь иссиня-черных волос за ухо и снова посмотрела в окно.

– Так твое молчание означает, что ты размышляешь об еще одном поцелуе?

– Неужели ты не способен логически вычислить мой ответ, Крессуэлл? – Я сердито смотрела на него, с вызовом приподняв бровь, пока он не пожал плечами и не принялся вновь барабанить по подоконнику.

Этот Томас также умудрился убедить моего отца, грозного лорда Эдмунда Уодсворта, позволить мне отправиться вместе с ним учиться в Академию судебной медицины и науки в Румынию. Этот факт до сих пор не умещался у меня в голове. Он был слишком фантастичен для правды, несмотря на то, что я уже ехала в поезде в эту академию.

Моя последняя неделя в Лондоне была заполнена подбором одежды и сбором вещей. И, похоже, в результате у отца и Томаса было слишком много времени для закрепления знакомства. Когда отец объявил, что поскольку сам он болен, в академию меня вместе с миссис Харви будет сопровождать Томас, я чуть не подавилась супом, а Томас подмигнул мне.

Той ночью у меня почти не осталось времени на сон, не говоря уже о размышлениях об отношениях, сложившихся между моим доводящим до бешенства другом и обычно строгим отцом. Мне не терпелось покинуть наш ужасающе тихий дом, с которым было связано слишком много призраков из моего недавнего прошлого. И Томас более чем превосходно осознавал этот факт.

– Грeziшь о новом скальпеле или просто восторгаешься мной? – спросил Томас, отвлекая меня от мрачных мыслей. Его губы дрогнули при виде моего хмурого взгляда, но он был достаточно умен, чтобы не усмехаться совсем уж откровенно. – А! Значит, эмоциональная дилемма. Моя любимая.

Я видела, что он подмечает выражение моего лица, которое я изо всех сил старалась контролировать, нервно скомканные атласные перчатки, мою напряженную позу – и причиной ей был вовсе не корсет и не то, что большую часть полки занимала моя компаньонка. Его взгляд, искренний и полный сочувствия, встретился с моим. Я видела проступившие на его лице обещания и желания, и сила его чувств заставила меня задрожать.

– Нервничаешь из-за учебы? Ты их всех очаруешь, Уодсворт.

То, что он не угадал истинной природы моих эмоций, стало для меня некоторым облегчением. Пусть верит, что дрожь вызвана беспокойством из-за учебы, а не его растущим стремлением к помолвке. Томас признавался мне в любви, но с учетом всего произошедшего позднее я не была уверена в ее реальности. Возможно, он просто жалел меня из-за всего произошедшего.

Я коснулась пуговиц на боку моих перчаток.

– Нет. Не совсем.

Томас приподнял бровь, но ничего не сказал. Я перенесла внимание на окно и заледевший мир за ним. Мне захотелось на какое-то время затеряться в пустоте.

Согласно публикациям, которые я читала в обширной отцовской библиотеке, наша новая академия размещалась в замке с жутковатым названием, расположенным на студеной Карпатской горной цепи. Оттуда будет далеко и до дома, и до цивилизации, если вдруг кто-то из моих соучеников окажется недоброжелателен. Конечно же, мой пол среди мужчин-коллег будет считаться недостатком. А вдруг по прибытии Томас позабудет о нашей дружбе?

Вдруг он осознает, насколько это в самом деле странно для молодой женщины – вскрывать мертвых и извлекать их внутренности, словно туфельки примерять. Это не имело значения, пока мы оба были учениками в дядиной лаборатории. Но мнение студентов престижной Академии судебной медицины и науки обо мне может оказаться отнюдь не прогрессивным.

Вскрытие трупов не очень-то подходит и мужчине, не то что девушке из хорошей семьи. Если в школе Томас лишит меня своей дружбы, я погружусь в столь глубокую пучину, что мне уже будет не выбраться из нее.

Живущая во мне порядочная светская барышня не желала этого признавать, но его флирт помогал мне держаться на плаву в море противоречивых чувств. Страсть и раздражение были огнем, а огонь был живым и наполненным силой. Огонь дышал. Горе – это трясина, чем больше сопротивляешься ему, тем глубже оно засасывает. Я бы предпочла сгореть, чем быть заживо похороненной. Хотя при одной лишь мысли о том, чтобы оказаться с Томасом в компрометирующей ситуации, щеки мои вспыхнули.

– Одри Роуз, – начал Томас, теребя обшлага своего сюртука, потом пригладил волосы – жест, совершенно чуждый моему обычно самонадеянному другу. Миссис Харви пошевелилась, но не проснулась, и я впервые пожалела об этом.

– Да? – Я выпрямилась еще сильнее; пластины моего корсета показались мне доспехом. Томас крайне редко звал меня по имени, разве что назревало нечто ужасное. Во время вскрытия, происходившего несколько месяцев назад, мы сошлись в битве разумов – тогда я считала, что выиграла ее, но теперь уже не была в этом уверена, – и я позволила ему называть меня по фамилии. Он, со своей стороны, позволил мне то же самое, и иногда я немного жалела об этом, когда он обращался ко мне «Уодсворт» при посторонних. – Что такое?

Томас несколько раз глубоко вздохнул. Я сосредоточила внимание на его прекрасно пошитом костюме. Он хорошо оделся по случаю нашего прибытия на место. Темно-синий костюм был скроен точно по фигуре: всякий задержал бы на нем взгляд и восхитился как самым костюмом, так и его владельцем. Я потянулась было к пуговицам, но вовремя спохватилась.

– Я кое-что должен сказать тебе, – произнес Томас, поерзав на сиденье. – Я... мне кажется, справедливо будет поставить тебя в известность до того, как мы прибудем на место.

Он снова стукнулся коленом об деревянную панель и заколебался. Возможно, он уже осознал, что дружба со мной в школе станет для него проблемой. Я собралась с силами и приготовилась к тому, что сейчас нить, связывавшая меня с душевным здоровьем, оборвется. Что ж, я не стану просить его не бросать меня. Даже если это меня убьет. Я сосредоточилась на дыхании, считая секунды между вдохом и выдохом.

Бабушка утверждала, что на могилах всех Уодсвортов следовало бы высечь одну и ту же фразу: «Знаменитый упрямством». Что ж, не стану с этим спорить. Я вскинула голову. Перестук колес теперь совпадал с учащенным биением моего сердца, и по жилам растекался адреналин. Я несколько раз сглотнула. Если он еще помедлит, как бы меня не стошнило прямо на него и его прекрасный костюм.

– Уодсворт. Я уверен, что вы... возможно, мне следовало бы... – Он тряхнул головой и рассмеялся. – Воистину, ты свела меня с ума. Осталось лишь строчить сонеты и выразительно смотреть. – Внезапно беззащитное выражение исчезло с его лица, как если бы он избежал падения со скалы. Томас кашлянул, и голос его сделался куда мягче, чем за миг до этого. – Сейчас, пожалуй, не время для этого, поскольку мои новости... э-э... могут вызвать некоторое, скажем так, удивление.

Я нахмурилась. Я понятия не имела, к чему он клонит: то ли собирается объявить, что наша дружба нерушима, то ли желает раз и навсегда отринуть ее. Я поймала себя на том, что вцепилась в край сиденья, и мои атласные перчатки снова сделались влажными на ладонях.

Томас выпрямился и собрался с духом.

– Моя мать ...

Тут что-то крупное врезалось в дверь нашего купе, и дерево едва не раскололось от удара. Во всяком случае, так это прозвучало; наша тяжелая дверь была закрыта, чтобы к нам не доносился шум из расположенного поблизости вагона-ресторана. Миссис Харви, благослови ее Господь, продолжала спать.

Я затаила дыхание, ожидая, что будет дальше. Новых звуков не последовало, и я чуть придвинулась к двери, совсем позабыв про незавершенное признание Томаса. Сердце мое билось вдвое быстрее обычного. Мне представились трупы, восставшие из мертвых, – как они бьются об дверь, желая напиться нашей крови и... нет! Я заставила себя мыслить ясно. Вампиров не существует.

Возможно, это просто кто-то перебрал со спиртным и врезался в нашу дверь. Или, может, тележка с десертами или чаем вырвалась из рук служителя. Я даже допустила вероятность, что это какая-то молодая женщина споткнулась из-за рывка поезда.

Я выдохнула и вернулась на свое место. Хватит бояться убийц, подстерегающих меня в ночи. Это уже превращается в помешательство – видеть в каждой тени кровожадного демона вместо обычного отсутствия света. Впрочем, я ведь дочь своего отца.

И снова что-то врезалось в стену снаружи, раздался приглушенный вскрик, потом все стихло. У меня волосы на загривке встали дыбом, оторвавшись от безопасной кожи; к неприятной атмосфере добавилось похрапывание миссис Харви.

– Ради королевы, что это там творится? – прошептала я, проклиная себя за то, что положила свои скальпели в чемодан и теперь не могла до них добраться.

Томас приложил палец к губам, потом указал на дверь, пресекая всякое движение. Мы сидели, а секунды шли в мучительной тишине. Казалось, будто от одного тиканья часов до другого успевают пройти месяцы. И я поняла, что не выдержу больше ни единого вдоха.

Мое сердце готово было вырваться из груди. Секунды складывались в минуты, и тишина становилась все страшнее. Мы сидели, не отрывая взгляда от двери, и ждали. Я закрыла глаза и взмолилась: только бы мне не столкнуться с очередным ходячим ужасом!

От крика, разорвавшего воздух, я заledenела до мозга костей.

Позабыв про хорошие манеры, Томас потянулся ко мне, и миссис Харви наконец-то зашевелилась. Когда Томас взял меня за руки, я поняла, что дело не в моем разгулявшемся воображении. В нашем поезде находилось нечто очень скверное и совершенно реальное.

Глава третья

Чудовища и кружева

«Восточный экспресс»

Королевство Румыния

1 декабря 1888 года

Я вскочила, оглядывая пространство снаружи поезда, и Томас проделал то же самое. Солнце поднялось над горизонтом, и его свет омрачил медный мир зловещими тенями серого, зеленого и черного.

– Оставайся здесь с миссис Харви, – сказал Томас. И мое внимание переключилось на него. Если он думал, что я стану сидеть сложа руки, пока он будет разбираться с происходящим, то он явно находится в более смятенном состоянии, нежели я.

– С каких это пор ты считаешь меня некомпетентной? – Обогнув его, я изо всех сил принялась дергать дверь купе. Проклятая штуковина даже не сдвинулась. Я сбросила дорожные тапочки и собралась с силами, готовая сорвать дверь с петель, если это будет необходимо. Я больше ни на минуту не останусь запертой в этой прекрасной клетке, что бы там ни ожидало нас снаружи.

Но и после моей следующей попытки дверь отказалась открыться. Все как всегда: чем больше ты борешься с чем-то, тем сложнее становится. Внезапно воздух сделался столь вязким, что не вздохнуть. Я дернула сильнее, мои слишком скользкие пальцы проехали по еще более гладкому золоченому покрытию. Дыхание замерло в груди, пойманное жесткими пластинами корсета.

Мне нестерпимо захотелось сорвать с себя корсет, наплевав на последствия такого поступка в приличном обществе. Я должна была выйти отсюда. Сию же секунду. Немедленно. Томас оказался рядом в мгновение ока.

– Я... не считаю... тебя... некомпетентной, – сказал он, пытаясь вместе со мной взломать дверь – кожаные перчатки на руках позволяли ему лучше справляться со скользкой позолотой. – Просто, в виде исключения, мне самому хотелось побыть героем. Или, по крайней мере, хотя бы им притвориться. Это ведь ты... всегда... спасаешь меня. Еще один рывок на счет три, хорошо? Один. Два. Три.

Вместе мы наконец заставили дверь отъехать, и я вылетела в коридор, не заботясь о том, как выгляжу. Столпившиеся пассажиры уставились на меня, а потом медленно отступили. Должно быть, я выглядела даже хуже, чем думала, но беспокоиться об этом пока было выше моих сил. Значительно важнее было дышать. Оставалось надеяться, что никто из светского лондонского общества не путешествует в этом вагоне и не узнал меня. Я согнулась – ах, если бы на мне было платье без корсета! – и с трудом сделала несколько вдохов. Тут моего слуха достиг шепот на румынском:

– Цапо².

– Цепеш.

Я еще раз быстро вздохнула, выпрямилась – и отшатнулась, разглядев, что приковало пассажиров к месту и отчего на них лица нет.

Там, между узким коридором и нашей дверью лежало рухнувшее тело. Я бы могла подумать, что мужчина отравлен, если бы не кровь, вытекающая из большой раны на груди и пачкающая персидский ковер.

² Кол (румын.). – Здесь и далее – прим. пер.

Торчащий из груди кол красноречиво свидетельствовал об убийстве.

– Святые Небеса... – проронил кто-то, отворачиваясь. – Это же Пронзатель. Так это правда!

– Господарь Валахии.

– Князь Тьмы.

Сердце мое словно сжала чья-то рука. Господарь Валахии... Князь Валахии. Этот титул крутился у меня в голове, пока не всплыл среди воспоминаний об уроках истории, а после вонзился в ту зону, где обитал страх. Влад Цепеш. Влад Пронзатель. Некоторые называли его Дракулой. Сыном Дракона.

Множество имен средневекового князя, истребившего столько мужчин, женщин и детей, что мне даже представить страшно. Прозвище Цепеш возникло благодаря его излюбленному способу убийства. Пронзатель.

За пределами королевства Румынии ходили слухи, что члены его семьи были дьявольскими созданиями, бессмертными и кровожадными. Но даже из той малости, которую я уже узнала, похоже было, что сами жители Румынии думали совершенно иначе. Влад был народным героем, который сражался за своих соотечественников и не брезговал никакими средствами, чтобы одолеть своих врагов. Временами другие страны, равно как и их дражайшие короли и королевы, поступали точно так же. Чудовище в глазах смотрящего. И никому не хочется знать, что их герой был истинным злодеем истории.

– Это Бессмертный Князь!

– Влад Цепеш жив!

Мне отчетливо представился газетный заголовок: «Бессмертный Князь вернулся?» О нет, только этого не хватало! Я не была готова столь скоро после дела Потрошителя вновь стоять над телом жертвы еще одного убийства. Исследовать труп в лаборатории – это иное. Это стерильно. Менее эмоционально. На месте свершения преступления делалось иным, слишком человеческим. Слишком реальным. Когда-то именно этого я жаждала – наблюдать его на месте. Сейчас же это обернулось тем, что я предпочла бы забыть.

– Это ночной кошмар. Кресуэлл, скажи мне, что это омерзительный сон.

Какое-то мгновение Томас выглядел так, словно ему очень хочется обнять меня и унять все мои тревоги. Но затем на лице его отразилась холодная решимость, словно буран, спустившийся с гор.

– Ты смотрела в мерзкое лицо самого страха и заставила его дрожать. С этим ты тоже справишься, Уодсворт. Мы переживем и это. Это факт, и он реальнее любого сна или кошмара. Я обещал никогда тебе не лгать. И намерен сдержать слово.

Я не могла оторвать взгляд от разрастающегося кровавого пятна.

– Как же жесток этот мир.

Не обращая внимания на находящихся рядом бдительных пассажиров, Томас заботливо убрал прядь волос с моего лица. Взгляд его сделался задумчив.

– Этот мир не жесток и не добр. Он просто есть. Мы же обладаем способностью видеть и то и другое, но выбор за нами.

– В поезде есть хирург? – закричала на румынском темноволосая женщина примерно моего возраста. Этого хватило, чтобы выдернуть меня из отчаянья. – Этому человеку нужна помощь! Кто-нибудь, помогите!

У меня не было сил сказать ей, что ему уже никто не поможет.

Мужчина с взъерошенными волосами схватился за голову и замотал ею, словно мог силой своего отрицания заставить тело исчезнуть.

– Это... это... какой-то трюк!

Миссис Харви выглянула в коридор, и ее глаза за стеклами очков округлились.

– Ой! – воскликнула она. Томас быстро отвел ее обратно в мое купе и усадил, шепча на ходу что-то успокаивающее.

Не будь я настолько ошеломлена, я и сама бы закричала. К сожалению, это был не первый раз, когда я оказалась около человека, убитого лишь за несколько минут до этого. Я старалась не думать о том покойнике, которого мы нашли в переулке Лондона, и о мучительном чувстве вины, все еще грызущем меня изнутри. Он умер из-за моего проклятого любопытства. Он умер, потому что я – отвратительное чудовище, обернутое в нежные кружева.

И все же... Я не могла не ощущать зуд под кожей, когда смотрела на это тело, на грубо выструганный кол. В науке я обрела смысл. В ней, а не только в моих безумных мыслях, можно было забыться.

Сделав несколько вдохов, я постаралась сориентироваться в окружающем кошмаре. Сейчас нельзя было допустить, чтобы эмоции повлияли на мою оценку. Пусть даже в глубине души мне хотелось плакать об убитом и о тех, кто потерял его этой ночью. Интересно, с кем он путешествовал... или куда?

Тут я оборвала свои размышления. «Сосредоточься», – приказала я себе. Я знала, что случившееся не было делом рук сверхъестественного существа. Влад Дракула умер несколько столетий назад.

Бормоча что-то о машинном отделении, пассажир со взъерошенными волосами побежал в ту сторону – видимо, чтобы машинист остановил поезд. Я смотрела, как он пробирался сквозь толпу людей, большинство из которых застыли, парализованные ужасом.

– Миссис Харви лишилась чувств, – сказал Томас, выходя из купе и ободряюще улыбаясь. – У меня есть нюхательные соли, но я решил, что лучше оставить ее так, пока это...

Я видела, как ходит его кадык от подавляемых эмоций. Я рискнула нарушить приличия – решила, что толпу сейчас интересует исключительно труп, а не моя недостаточная благопристойность, и быстро пожала его затянутую в перчатку руку. Слова здесь не требовались. Сколько бы раз тебе ни приходилось сталкиваться со смертью и разрушением, всякий раз это непросто. На первом этапе. Но Томас прав. Мы справимся с этим. Нам это уже удавалось.

Не обращая внимания на царящий вокруг хаос, я собралась с духом, готовясь к отвратительному зрелищу, и отрешилась от эмоций. Дядины уроки об осмотре места преступления уже стали памятью тела, поэтому можно было не думать, а действовать. Перед нами всего лишь человеческий образец для исследования. Мысли о запекшейся крови и трагической кончине превратились в двери, и двери эти одновременно захлопнулись в моем сознании. Весь остальной мир, весь мой страх и чувство вины сошли на нет.

Наука была тем алтарем, перед которым я преклонила колени, и она ниспослала мне успокоение.

– Помни, – Томас поглядел по сторонам, пытаясь загородить тело от взглядов пассажиров, – это всего лишь уравнение, которое необходимо решить, Уодсворт. Ничего больше.

Я кивнула, потом аккуратно сняла цилиндр и отвела назад длинные кремовые юбки, отбрасывая вместе с мягкой тканью все лишние эмоции. Мои черные с золотом кружевные манжеты касались сюртука покойного; их изысканность чудовищно не соответствовала гробу колу, торчащему из груди убитого. Я пыталась не отвлекаться на пятна крови вокруг накрахмаленного воротника. Я проверила пульс, хоть и знала, что не найду его, переключила внимание обратно на Томаса и заметила, что его обычно полные губы сжаты в тонкую линию.

– Что такое?

Томас открыл было рот и тут же закрыл, потому что из соседнего купе выглянула какая-то женщина и надменно вскинула голову.

– Я требую, чтобы мне немедленно объяснили, что тут... О боже!

Она уставилась на валяющегося на полу мужчину и принялась хватать воздух ртом, словно лиф внезапно перекрыл доступ воздуха в легкие. Джентльмен из соседнего купе поймал ее, не дав рухнуть на пол.

– Мэм, с вами все в порядке? – спросил он с американским акцентом, аккуратно похлопывая ее по щеке. – Мэм!

Поезд со скрежетом остановился и, зашипев, выпустил облако пара. Когда мощная тяга исчезла, меня шатнуло в одну сторону, затем в другую, и надо мной отчаянно задребезжала коридорная люстра. От этого звука мой пульс ускорился, несмотря на внезапную неподвижность нашего окружения.

Томас опустился на колени рядом со мной, устремив взгляд на покойника, подхватил меня затылком в перчатку рукой и прошептал:

– Будь начеку, Уодсворт. Кто бы это ни сделал, он, скорее всего, в этом же коридоре, наблюдает за каждым нашим движением.

Глава четвертая

Нечто злое

«Восточный экспресс»

Королевство Румыния

1 декабря 1888 года

Эта же мысль посещала и меня. Мы находились в движущемся поезде. Если неизвестный преступник не спрыгнул с него, выскользнув между вагонами, и не скрылся в лесу, то он все еще здесь. Выжидает. Наслаждается зрелищем.

Я стояла и оглядывалась вокруг, присматриваясь к каждому присутствующему, создавая внутренний каталог, к которому в будущем можно будет вернуться. Здесь было смешение молодых и старых лиц, незаметных и ярких, мужских и женских. Мое внимание привлек один человек – юноша примерно нашего возраста, с такими же, как у меня, черными волосами, который переминался с ноги на ногу, теребя воротник сюртука для утренних визитов, а его взгляд метался между трупом и окружающими людьми.

Он выглядел так, словно готов был упасть в обморок. Его нервозность могла быть вызвана чувством вины или страхом. Остановившись на мгновение, достаточное для столкновения взоров, он впился в меня взглядом слезящихся глаз. Было в нем нечто тревожащее, отчего мой пульс снова участился. Возможно, он был знаком с жертвой у моих ног.

Кондуктор пронзительно засвистел, призывая нас вернуться в свои купе, и мое сердце забилося об грудную клетку. Я зажмурилась, пытаюсь восстановить душевное равновесие, и за эти несколько секунд нервный юноша исчез. Я посмотрела на то место, где он стоял, а затем отвернулась. Томас чуть сместился, его рука легонько коснулась моей.

Мы стояли над телом и оба молчали, погружившись в беспокойные размышления, и оценивали место происшествия. Я бросила взгляд на жертву, и желудок скрутило.

– Он уже был мертв к тому моменту, когда нам удалось открыть дверь, – сказал Томас. – Нет такого количества швов, которые могли бы вновь собрать его сердце воедино.

Я знала, что слова Томаса абсолютно верны, но все же могла поклясться, что у жертвы затрепетали веки. Я глубоко вдохнула, чтобы очистить сознание. И вновь подумала о газетной статье.

– В убийстве в Брашове тоже было колото-проникающее ранение, – сказала я. – Мне не верится, что эти преступления не связаны между собой. Возможно, убийца из Брашова ехал в другой город, но счел эту возможность слишком соблазнительной и не удержался.

Хотя почему именно этого человека выбрали жертвой? Стал ли он целью еще до посадки на поезд?

Томас наблюдал за всеми, в его взгляде читались твердость и решимость.

Теперь, когда коридор был расчищен, я могла изучить улики на мертвом теле. Я умоляла себя видеть только то, что есть, и не погружаться в еще одну фантазию о трупе, возвращающемся к жизни. Судя по внешнему виду, жертва была не старше двадцати. Какая бессмысленная потеря! Покойник был прекрасно одет – с начищенными туфлями и в безукоризненном костюме. Светло-каштановые волосы были тщательно зачесаны набок и безупречно уложены с помощью помады.

Лежащая рядом прогулочная трость с украшенной драгоценными камнями головой змеи невидящим взглядом вперилась в медлящих пассажиров, глазающих на ее бывшего владельца. Это была потрясающая трость. И очень знакомая. Я присмотрелась к лицу убитого и обмерла. И отшатнулась к стене, задыхаясь. Я не заметила этого в том хаосе, что творился поначалу, но

это был тот самый человек, которого я по ошибке приняла за моего брата. Это случилось не более десяти-двадцати минут тому назад.

Непостижимо, как он из живого и направлявшегося в курительный вагон превратился в мертвого под дверью моего купе. Особенно когда он был так похож на...

Я закрыла глаза, но картинка, возникающая передо мной, была еще ужаснее, поэтому я вгляделась в рану и сконцентрировалась на застывающей и холодеющей крови.

– Уодсворт! Что такое?

Я приложила руку к груди, пытаюсь тянуть время.

– Смерть никогда не бывает легкой, но все же... когда умирает молодой человек – это бесконечно хуже.

– Смерть – это не единственное, чего стоит страшиться. Убийство – хуже, – Томас всмотрелся в мое лицо, затем глянул на тело, и его взгляд смягчился: – Одри Роуз...

Я поспешила отвернуться, пока он не облек мое страдание в слова.

– Посмотрим, какие выводы ты сможешь сделать, Кресуэлл. Дай мне минутку. Мне нужно время.

Я чувствовала, как он застыл за мной; он помедлил, и я поняла, что он очень тщательно подбирает слова, чтоб не создать лишнего напряжения.

– С тобой все в порядке?

Мы оба знали, что он спрашивал не только о трупe, лежащем у моих ног. Казалось, что я могла свалиться в бездонную тьму моих эмоций в любую секунду. Мне надо было держать под контролем образы, преследующие меня днем и ночью. Я посмотрела на Томаса, стараясь сохранить уверенность в лице и голосе.

– Разумеется. Мне просто надо разобраться.

– Одри Роуз, – тихо начал Томас, – ты не должна...

– Со мной все в порядке, Томас, – ответила я. – Мне просто нужно немного тишины.

Он поджал губы, но с уважением отнесся к моим желаниям и не стал больше настаивать. Я еще раз наклонилась, изучая рану и игнорируя странное сходство убитого с моим братом. Мне надо было вновь обрести равновесие. Найти ту дверь, что ведет к эмоциям, и запечатать их до тех пор, пока я не закончу осмотр. Затем я смогу закрыться у себя и поплакать.

Когда я растянула рубашку жертвы, чтобы лучше рассмотреть кол, кто-то ахнул. Соблюдение приличий явно было важнее улик, но сейчас меня это не волновало. Этот молодой человек заслуживал лучшей участи. Проигнорировав задержавшихся в коридоре людей, я притворилась, что нахожусь одна в дядиной лаборатории и вокруг лишь банки с образцами тканей, пахнущих формальдегидом. Даже в моем воображении образцы животных щурились на меня молочно-белыми мертвыми глазами, оценивая каждый мой жест, каждое мое действие.

Я размяла руки. Сосредоточься!

Рана на груди жертвы при ближайшем рассмотрении выглядела еще ужаснее. Дерево расщепилось на части и стало похоже на колючие побеги ежевики. Вокруг кола кровь высохла практически до черноты. Я также заметила две темно-багровые линии – засохшие струйки крови, что стекали изо рта. Не удивительно. Такая травма конечно же вызвала сильное внутреннее кровотечение.

Если бы его сердце не было пробито, он бы, скорее всего, просто утонул в собственной крови. Ужасная смерть.

Вокруг жертвы помимо металлического запаха крови витал еще какой-то резкий запах. Я наклонилась над телом, пытаюсь найти его источник, пока Томас продолжал смотреть на стоящих вокруг пассажиров. Я знала, что он способен сейчас найти зацепки в живых, как я интуитивно воспринимала информацию от мертвых, и это меня успокаивало.

Тут мое внимание привлекло что-то в уголке губ покойника. Я от всей души понадеялась, что это не плод моего воображения. Я придвинулась еще ближе и чуть не упала на жертву

преступления. Да, несомненно, ему в рот засунули нечто громоздкое, беловатое. Похоже, это нечто органического происхождения, возможно, корнеподобное. Если бы только достать...

– Леди и джентльмены! – прокричал с другого конца коридора проводник, рупором сложив ладони у рта. Акцент выдавал в нем уроженца Франции. Неудивительно, поскольку мы отбыли из Парижа. – Пожалуйста, возвращайтесь в свои купе. Членам королевской гвардии нужно очистить место от... загрязнения.

Он нервно оглянулся на стоящего рядом с ним человека в форме. Тот пристально смотрел на зевак, пока все не рассосались по своим купе, тенями нырнув во тьму.

Гвардеец выглядел примерно лет на двадцать пять. Его волосы чернее беззвездной ночи были залиты лаком. Черты лица были резкими – сплошные углы и острые линии. И хотя лицо его оставалось невозмутимым, в нем ощущалось внутреннее напряжение – лук был натянут, чтобы выстрелить и убить. Когда он жестом велел нам уйти, я мысленно отметила скрытую под одеждой мускулатуру и мозоли на скандально лишенных перчаток руках. Этот человек был оружием королевства Румыния, готовым отразить любую видимую угрозу.

Томас придвинулся так близко, чтобы его дыхание щекотало мою шею.

– А он немногословен. Видимо, размеры его... оружия производят угрожающее впечатление.

– Томас! – решительно прошептала я, ужасаясь его непристойности.

Он указал на меч огромных размеров, висящий у бедра молодого человека, а на лице отразилось веселье. Все ясно. Мои щеки запылали, а Томас произнес:

– И ты еще называла меня озабоченным! Это просто возмутительно с твоей стороны, Уодсворт. О чем ты только думала?

Гвардеец сурово посмотрел на Томаса, глаза его слегка расширились, а потом он снова скинул голову.

Я переводила взгляд с одного на другого, а они тем временем оценивали друг друга. Два волка-альфы, кружащихся и покусывающих в борьбе за главенство внутри новой стаи. – Пожалуйста, вернитесь в свои комнаты, Alȝeȝ³.

Томас застыл. Это слово было мне незнакомо, я ведь только недавно начала изучать румынский, и потому понятия не имела, как стражник его назвал. Возможно, это было нечто обыденное – «сэр», а может – «вы – высокомерный дурак».

В чем бы ни состояло оскорбление, мой друг быстро пришел в себя. Гвардеец шагнул вперед. Томас скрестил руки на груди.

– Я думаю, что мы останемся и осмотрим тело. Мы весьма преуспели в том, чтобы добывать у мертвых их секреты. Желаете убедиться?

Взгляд гвардейца лениво скользнул по мне. Несомненно, он решил, что молодая женщина в прелестном платье – предмет абсолютно бесполезный. По крайней мере, в том, что касалось науки или любительского расследования.

– В этом нет необходимости. Вы можете идти.

Томас выпрямился во весь свой внушительный рост и сердито уставился на молодого человека. Он явно понял, что стоит за взглядом гвардейца. Когда Томас принимал такую позу, он всегда говорил какие-то гадости. Рискнув нарушить правила приличия, я схватила его за руку. Гвардеец скривился, но в данный момент мне это было безразлично.

Мы были не в Лондоне, и здесь не было людей, способных вытащить нас из неприятностей, если Томас разозлит своей обычной манерой разговора неподходящего человека. Среди моих планов не значилась перспектива окончить жизнь в каком-нибудь затхлом румынском подземелье. Я видела изнутри мрачный Бедлам, ужасающий приют в Лондоне, чье название стало синонимом хаоса, и прекрасно представляла, что могло ожидать нас тут. Я хотела изучать

³ Ваша светлость (*румьин*).

трупы, а не различные виды крыс в каких-то забытых подземных клетках. Или пауков. При мысли об этом страх струйкой протек у меня по спине. Я предпочту столкнуться со своими навязчивыми страхами, чем оказаться запертой вместе с пауками в каком-нибудь маленьком, темном помещении.

– Пойдем, Кресуэлл.

Молодые мужчины еще мгновение испепеляли друг друга взглядами, и их продолжающееся противостояние отразилось в напряженных позах. При виде такой нелепости мне захотелось закатить глаза. Я никогда не понимала потребность мужчин добыть себе кусочек земли, воздвигнуть на нем крепость и править. Все это маневрирование по поводу каждого дюйма пространства должно быть крайне утомительным.

Наконец Томас сдался.

– Хорошо. – Он покосился на гвардейца. – Как ваше имя?

Лицо стражника сверкнуло жестокой ухмылкой.

– Данешти.

– Ах, Данешти. Это все объясняет, не так ли?

Томас крутанулся на каблуках и исчез в своем купе, оставив меня недоумевать не только по поводу тела перед моей дверью, но и из-за странной атмосферы, окружавшей нас с того самого момента, когда мы въехали в Румынию. Кем был этот зловещий молодой гвардеец и почему его имя вызвало такое раздражение у Томаса? К Данешти присоединились еще двое королевских гвардейцев. По-видимому, он был старшим среди них, поскольку рывкнул приказы на румынском и размеренным шагом направился в сторону тела.

Я сочла это знаком и удалилась. Закрыв дверь купе, я резко остановилась. Миссис Харви лежала, ее грудь вздымалась и опускалась в мерном ритме, что указывало на глубокий сон. Но не ее поза заставила меня замереть. На моем месте лежал смятый листок бумаги. Мне случается время от времени видеть фантомы, но сейчас я была абсолютно уверена, что перед тем, как мы обнаружили тело за дверью, никакого листка здесь не было. Озноб бесцеремонно прошелся по телу. Осмотрев купе, я не нашла там никого, кроме моей спящей компаньонки. Не позволяя страху взять над собой верх, я подошла к бумаге и, разгладив ее, развернула. На ней был изображен дракон, с хвостом, обвивающим его толстую шею. Крест создавал кривую линию его хребта. Я чуть не приняла его за весы.

Может, его нарисовал Томас? Но если бы это сделал он, я бы заметила. Или нет?

Я рухнула на сиденье. Я ничего не понимала и мечтала о возвращении того времени, когда единственным поводом для беспокойства было непрерывное постукивание Томаса. Похоже, я ни в чем не могла быть уверена. Я слышала, как труп потащили по коридору. Я старалась не думать о гвардейцах, уничтожавших все улики, которые могли там быть, пока звуки шагов по ковру не затихли.

Если этого дракона нарисовал не Томас, а кто-то другой, то как он проник в мое купе, а затем исчез так, чтобы ни я, ни Томас этого не заметили? Еще одна загадка.

И от нее меня пробрало холодом до мозга костей.

Глава пятая

Уроки о стригоях

Окраина Брашова
Трансильвания, Румыния
1 декабря 1888 года

Кларенс, закрытая четырехместная карета, которую прозвали «рычуном» за издаваемый ею шум, был удобен настолько, насколько мог быть комфортабелен экипаж, часами подпрыгивающий и трясущий по ухабистой дороге через крутые горы и холмы по пути из Будапешта.

Я поймала себя на том, что от скуки слежу, словно загипнотизированная, за колыханием золотых кистей, что удерживали собранными темно-фиолетовые занавеси. Ткань была расшита золотыми драконами с изогнутыми и изящными телами. Каким-то чудом последние полчаса, а может, чуть дольше, миссис Харви бодрствовала, и вот сейчас, заворчав из-за того, что карета подпрыгнула на слишком большом ухабе, она дернула одеяло обратно на себя.

Потом дуэнья извлекла из своего мехового плаща фляжку и сделала большой глоток. У меня глаза полезли на лоб. Прозрачная жидкость выплеснулась на мисс Харви, и маленькое пространство заполнил острый аромат, который мог принадлежать только крепкому алкоголю. Покраснев, моя компаньонка вытерла пролившуюся жидкость, а затем предложила гравированную фляжку и мне. Я помотала головой и, не сдержавшись, улыбнулась. Мне невероятно нравилась эта женщина.

– Тоник для путешественников. От укачивания, – сказала миссис Харви. – Помогает тем, у кого хрупкая конституция. И полезен при ужасной погоде.

Томас фыркнул, но я заметила, что он проверил кирпич для ног, который ей недавно заменили, чтобы убедиться, что тот достаточно теплый. Чем выше мы поднимались в горы, тем больше было снега, так что в карете было весьма прохладно.

– Миссис Харви также пользуется этим тоником перед тем, как уйти отдыхать к себе в комнату. Иногда случалось, что я возвращался из лаборатории доктора Уодсворта поздно ночью, а в прихожей лежали свежие бисквиты, – сказал он. – Но миссис Харви мало что могла вспомнить о том, как они были изготовлены.

– Ой, да будет вам, – без обиды отозвалась она, – этот тоник прописали мне только для поездки. Не надо плести небылицы, это просто неприлично! Я всегда помню все, что готовлю. И после этого я делаю только один глоток. Я пеку эти бисквиты потому, что кое-кто любит сладкое. Не слушайте его, мисс Уодсворт.

Я усмехнулась. Дружелюбная пожилая дама сделала еще один глоток «тоника для путешественников» и спряталась обратно под толстые шерстяные одеяла; веки ее уже смыкались. Вот и объяснение ее впечатляющей способности спать большую часть нашего путешествия. Она прекрасно поладит с тетей Амелией. Тетушка и сама любила глотнуть спиртного перед тем, как отправиться в постель.

Томас вытянул ноги во всю длину, посягнув этим на мое сиденье, но, похоже, не осознавал своего проступка. Большую часть поездки он был очень тих, совершенно не в его характере. Путешествие никогда его не радовало, и эта часть нашей поездки тоже не доставляла ему удовольствия. Возможно, мне стоило подлить ему немного тоника миссис Харви. Это подарило бы нам обоим немного покоя до прибытия в академию.

Пока Томас был чем-то поглощен, у меня была возможность изучить его. Его взгляд был слегка отсутствующим, и пусть телом он находился здесь, но мыслями пребывал где-то далеко. Мне самой с трудом удавалось не думать о жертве из поезда. Или о странном изображении

дракона. Я хотела обсудить это с Томасом, но не в присутствии компаньонки. Последнее, что сейчас требовалось миссис Харви, это вновь столкнуться с какими-либо страшными обстоятельствами. Когда совсем недавно мы останавливались, чтобы сменить лошадей и быстро пообедать, она едва поела и вздрагивала от любого звука, доносящегося из оживленной кухни трактира.

Томас сосредоточенно смотрел на проплывающий за окном лес и падающий снег. Я хотела полюбоваться могучими деревьями, но опасалась возвращения образов, беспокоящих мое воображение: звери, мчащиеся сквозь подлесок, отрубленные головы, выставленные на кольях, или другие ужасные картинки и иллюзии.

– Тебе нехорошо? – Внимание Томаса переключилось на меня. – Или это твой способ показать мне, что я выгляжу не лучшим образом?

Я без всякой задней мысли бросила взгляд на его сюртук. Его полуночно-черные тона вместе с подобранным в пару жилетом очень шли к смуглому лицу Томаса; впрочем, у меня было ощущение, что он прекрасно осознает данный факт. И то, как его взгляд задержался на моих губах, служило этому подтверждением.

– Ты выглядишь отсутствующим, вот и все. – Я не стала заострять внимание на том, что в арендованном нами экипаже можно было замерзнуть, и если бы у него не было лихорадки, то ему стоило бы надеть пальто, а не набрасывать его на плечи. Опустив это замечание, я повела плечом и продолжила игнорировать своего спутника. Томас сдвинулся вперед, отвлекаясь от миссис Харви.

– Разве ты не заметила? – спросил он, постукивая пальцами по ноге. Я готова была поклясться, что он создавал эпическую сагу при помощи азбуки Морзе, но прерывать его не стала. – Я не курил несколько дней. И нахожу, что избыток нервной энергии... неприятен.

– Тогда почему бы тебе не попытаться поспать?

– Я думаю о том, что существуют иные, более увлекательные вещи, которыми мы могли бы заняться вместо сна в течение следующих пары часов, Уодсворт. У нас есть еще несколько часов до Брашова.

Я тяжело вздохнула.

– Клянусь, если ты предложишь что-нибудь менее однообразное, то я поцелую тебя только за одну стимуляцию мыслительной деятельности.

– Я имел в виду кое-что совсем другое. Нечто, связанное с мифами, легендами и другими заслуживающими внимания темами, чтобы помочь тебе с изучением румынского. Это ты предположила, что я говорил о поцелуях. – Он откинулся назад с довольной ухмылкой и снова принялся внимательно смотреть на лес, пока мы неспешно продвигались вперед. – Это заставляет задаваться вопросом: сколь часто ты думаешь на данную тему?

– Ты проник в мою тайну. Я размышляю об этом постоянно. – Томас ошарашенно уставился на меня. Смущение на его лице доставило мне такое удовольствие, что я не удержалась от улыбки. – Ты должен был рассказать нечто, заслуживающее внимания. – Он моргнул и посмотрел на меня так, словно я говорила на неведомом ему языке. – Да, в это поверить трудно, понимаю.

– Я, весь из себя такой благопристойный человек, планировал поведать тебе о стригоях. Но раскапывание твоих секретов доставляет мне значительно больше удовольствия. Давай лучше поговорим о твоих мыслях.

Он позволил себе окинуть меня с макушки до пят внимательным взглядом, который, казалось, извлекал на поверхность тысячи мелких деталей. Его губы медленно изогнулись в улыбке.

– Если судить по тому, что ты выпрямилась, и по слегка судорожному вздоху, я бы сказал, что ты по крайней мере рассматриваешь возможность поцеловать меня прямо сейчас. Гадкая, непослушная Уодсворт. Что бы сказала об этом твоя добродетельная тетюшка?

Я заставляла себя вглядываться только в глаза, игнорируя желание кинуть взгляд на полные губы.

– Расскажи мне подробнее об этих строгоях. Кто они такие?

– Стригой – как стриж, через «и», – ответил Томас с прекрасным румынским произношением. – Это нежить, принимающая форму тех, кому ты доверяешь. Тех, кого ты будешь счастлива пригласить в дом. А затем они нападут. Обычно они выбирают обличье недавно умерших родных. Ведь нам очень сложно отвергнуть тех, кого мы любим, – тихо добавил он, словно зная, как глубоко эти слова могут ранить.

Я попыталась – но безуспешно – не думать о том, как дергалось тело моей матери, когда его пронзил ток. Приветствовала бы я ее возвращение из царства мертвых, невзирая на страх? Ответ поразил меня. Я не верила, что существует хоть какая-нибудь граница, которую нельзя пересечь, когда дело касается наших любимых. При встрече с душевной болью мораль отступала. Некоторые внутренние надломы не исцеляются никогда.

– Этому должно быть какое-то объяснение, – сказала я. – Я сильно сомневаюсь, что Влад Дракула восстал из могилы. Нежить – это персонажи готических романов, призванных напугать и развлечь читателя.

Томас пристально посмотрел мне в глаза. Мы оба с ним знали, что иногда романы и реальность встречались, что приводило к разрушительным последствиям.

– Согласен. А вот некоторые местные жители, увы, не согласны. Когда они обнаруживают стригоя, то вся семья – или все, кто был с ним связан, отправляются на могилу обидчика, раскапывают ее, вытаскивают уже начавшее разлагаться сердце и сжигают прямо там. О, – добавил он, наклоняясь, – я почти забыл. После сожжения немертвого «чудовища» они выпивают пепел. Это единственный способ гарантированно добиться того, чтобы стригой не вернулся или не завладел другим носителем.

– Звучит немного... слишком, – сказала я, сморщив нос.

По лицу Томаса медленно расплзлась улыбка.

– Румыны никогда ничего не делают наполовину, Уодсворт. Вне зависимости от того, идет речь о войне или о любви.

Голос его звучал так проникновенно, что я на миг зажмурилась. Прежде чем я смогла ответить, возница свистнул лошадям и натянул поводья, останавливая экипаж. Я подалась вперед; нахлынувшие мысли о бродячих бандах воров и разбойников заставили сердце бешено колотиться.

– Что случилось? Почему мы остановились?

– Вероятно, я забыл упомянуть, – Томас, сделав паузу, спокойно надел пальто, которое до этого использовал как дополнительное одеяло, и поправил мой кирпич для ног, – что мы пересаживаемся в более подходящий экипаж.

– Что ты... – Ржание лошадей и звон колокольчиков не дали мне договорить. Томас вместе со мной выглянул из окна, на котором наше дыхание оставляло мутные разводы. Он начисто вытер их рукавом пальто и с нерешительной улыбкой взглянул на меня – как я отреагирую?

– Сюрприз, Одри Роуз. По крайней мере, я надеюсь, что он приятный. Я не был уверен...

Великолепные запряженные лошадьми сани остановились рядом; своей приглушенной красной, охристой и бледно-голубой раскраской они напоминали разрисованные румынские яйца-писанки. Две огромные белоснежные лошади рыли снег и храпели, а их дыхание оставляло маленькие облачка прямо перед мордами. Их головы были увенчаны белоснежными плюмажами из страусовых перьев, лишь слегка поникшими от непогоды.

– Ты... это твоих рук дело?

Томас перевел взгляд с меня на сани и прикусил губу.

– Я надеялся, что тебе понравится.

Я приподняла бровь. Понравится? Да это же ожившая сцена из сказки! Я была совершенно очарована.

– Я в полном восторге!

Безо всяких раздумий я открыла дверь и оперлась на предложенную кучером руку; нога скользнула по гладкой металлической ступеньке, и я не сразу восстановила равновесие. Кучер вернулся к карете, а я, не обращая внимания на яростные порывы ветра, крепко держала шляпу и изумленно смотрела на потрясающее зрелище. Когда я вышла из-под защиты кареты и шагнула в бурю, наш новый кучер улыбнулся.

По крайней мере, мне так показалось. Но сказать это наверняка было невозможно, поскольку и тело, и большая часть его румяного лица были закутаны, чтобы уберечь их от суровой стихии. Когда Томас встал рядом со мной, расчетливо осматривая в своей привычной манере и сани, и кучера, тот помахал нам.

– На вид транспорт не хуже любого другого. Особенно если учесть, что эта буря явно не собирается стихать в ближайшее время. Мы прекрасно проведем время. И выражение твоего лица – того стоило.

Я повернулась к Томасу со слезами благодарности и улыбнулась не таясь – и увидела панику на его лице. Он заглянул обратно в карету и хлопнул в ладоши.

– Миссис Харви! Пора просыпаться. Позвольте я помогу вам спуститься.

Леденящий ветер выбрал это мгновение, чтобы пронестись сквозь лес, заставляя ветви свистеть. Я зарылась лицом в меховую опушку зимнего плаща. Мы находились в гуще леса, зажатые между двух враждующих горных вершин. И хотя до конца дня еще оставалось несколько часов, тьма уже начинала сплетаться вокруг нас. Эти горы были так же импульсивны, как и мой друг.

Томас помог нашей компаньонке выйти из кареты и указал на новый экипаж. Миссис Харви нахмурилась при виде сыплющегося снега и сделала еще глоточек тоника.

Томас проследил за моим взглядом, переходящим от одного скрипящего дерева к другому. Было нечто странное в этих лесах. Они казались живыми, и дух их не был ни злым, ни добрым. Но в них ощущалась древняя аура, нашептывавшая о войнах и резне.

Мы находились в самом сердце края Влада Пронзателя, и казалось, что сама земля хочет предупредить нас: либо уважайте меня, либо потом пеняйте на себя.

Скорее всего, это было игрой света, но немногие оставшиеся на деревьях листья, казалось, были цвета подсыхающих ран. Уж не привыкла ли листва ко вкусу крови после десятков тысяч прерванных здесь жизней? Над нами заверещала птица, и я резко втянула холодный воздух.

– Полегче, Уодсворт. У леса нет клыков.

– Спасибо, Кресуэлл, – сладко сказала я. – Что бы я без тебя делала?

Томас развернулся ко мне. Никогда еще я не видела его таким серьезным.

– Ты бы невероятно скучала по мне, и сама знаешь об этом. Точно так же, как и я по непостижимым для меня причинам буду тосковать по тебе, если нам придется расстаться.

Томас взял миссис Харви под руку и повел к саням. Кучер жестом предложил нам садиться. Я на миг застыла с лихорадочно бьющимся сердцем. Томас умел подавать свои признания так буднично, что это каждый раз ошеломяло меня.

Давая своему сердцу время успокоиться, я погладила бархатистую морду ближайшей лошади, прежде чем сесть в сани. Они не были полностью закрытыми, в отличие от нашей кареты, но в них лежало столько мехов, сколько я не видала за всю жизнь. Пускай у нас нет крыши, но мы точно не замерзнем, если зароемся в эту грудку пушнины. Миссис Харви с трудом забралась в сани и, привалившись к одной из боковин, стала укутывать ноги. Оставшееся место на сиденье она оставила нам.

Я застыла на месте, когда осознала, как близко мы с Томасом будем сидеть. Надеюсь, директор не будет встречать нас на улице. Едва ли будет прилично, если он обнаружит меня свернувшейся рядом с Томасом, и даже наличие компаньонки здесь не поможет. Томас блеснул хитрой усмешкой, как будто та же самая мысль пронеслась в его испорченном сознании, приподнял край большого мехового одеяла и похлопал по месту рядом с собой. Я стиснула зубы.

– Что такое? – спросил он с преувеличенно невинным видом. Я закуталась в мех, запиная большую его часть между нами и демонстративно сосредоточившись на строительстве мехового барьера. Как и следовало ожидать, к этому моменту миссис Харви уже клевала носом. Мне стало любопытно, а не заключил ли с ней Томас сделку, чтобы она ограничилась лишь формальным присутствием. – Я всего лишь веду себя как джентльмен, Уодсворт. И не надо так жечь меня взглядом.

– Я думала, что ты, ради моего отца, будешь вести себя наилучшим образом.

Томас прижал руку к сердцу.

– Твои слова меня ранят. Разве твой отец не рассердился бы, если бы я позволил тебе замерзнуть насмерть? Научно доказано, что лучше всего согревает тепло другого тела. На самом деле эти исследования рекомендуют освободиться от одежд и полностью прижаться кожей к коже, что является вернейшим способом избежать переохлаждения. И если ты станешь его жертвой, то я воспользуюсь всеми доступными способами, чтобы спасти тебя. Это то, что сделал бы любой достойный молодой джентльмен. По-моему, это невероятная доблесть!

Мое вероломное сознание сбилось с истинного пути на образ обнаженного Томаса, и мой спутник расплылся в улыбке, словно был посвящен в мои возмутительные мысли.

– Возможно, мне стоит написать отцу, чтобы узнать его мнение об этой теории.

Томас запыхтел и набросил себе на плечи одеяло, превратившись в дикого царя зверей из какой-нибудь поэмы Гомера. Я уютно устроилась в гуще мехов, вдыхая слабый запах дубленой шкуры и пытаясь не заткнуть самой себе рот. Из-за запаха поездки может стать не самой приятной, но по крайней мере мы доберемся до академии до полуночи. Встречались мне запахи и похуже, когда мы с дядюшкой изучали разлагающиеся трупы. Уж как-нибудь потерплю ближайшие несколько часов и грубоватый запах кожи.

Как ни странно, но почти каждое утро я скучала по легкому запаху разложения, смешанному с формалином. Я с нетерпением ожидала, когда же мы доберемся до академии и я вновь окунусь в научные исследования. Новое окружение должно помочь мне исцелиться от моих страданий. Во всяком случае, я на это надеялась. Я не смогу заниматься судебно-медицинской практикой, если я и дальше буду бояться оживших трупов.

Потом я посмотрела на эту грудку серых шкур, и до меня кое-что дошло. Я нахмурилась.

– Разве не странно, что здесь так много волчьего меха?

Томас повел плечом.

– Румыны не любят больших волков.

Прежде, чем мне удалось уточнить у юноши, что он имел в виду, кучер поставил на сани последние наши сундуки и уселся сам. Он что-то быстро сказал на румынском, и Томас ответил, а потом наклонился ко мне. От его дыхания у меня по коже побежали мурашки. Я задрожала от внезапного глубокого волнения.

– Следующая остановка – замок Бран. И все эти восхитительные еретики, обучающиеся там.

– Мы тоже вот-вот начнем там обучаться, – напомнила я.

Томас завернулся в одеяло, с трудом скрывая улыбку.

– Я знаю.

– Откуда ты так хорошо знаешь румынский? – спросила я. – Я и не предполагала, что ты в совершенстве владеешь чем-то, кроме сарказма.

– Моя мать была родом из Румынии, – сказал Томас. – И пока мы росли, она часто рассказывала нам всевозможные сказки. Так что мы учили язык с самого рождения.

Я нахмурилась.

– А почему ты раньше об этом не упоминал?

– Я полон сюрпризов, Уодсворт. – И Томас натянул одеяло на голову. – Будь готова к долгой жизни, полной таких приятных открытий. Это позволяет сохранить загадку и сберечь воодушевление.

Щелкнули вожжи, и мы двинулись в путь, скользя по снегу, а новые хлопья проносились мимо нас. Ледяной ветер жалил мне щеки, заставляя слезы струиться блестящими ручейками, но я не могла перестать смотреть на лес, проносящийся перед полуприкрытыми глазами. Время от времени мне казалось, что в лесу, у самой его границы что-то движется в одном темпе с нами, но было слишком темно, и я не могла утверждать этого наверняка.

Когда я услышала низкий вой, то сложно было сказать, то ли это ветер, то ли стая голодных волков загоняет следующую жертву. Возможно, в здешних местах существовали и другие внушающие страх вещи, помимо живого убийцы и привидений жертв Влада Дракулы.

Время пролетало слыливыми минутами и темнеющими небесами. Мы поднимались вверх к горным кручам и спускались в небольшие долины. Мы сделали остановку в Брашове, где после длительных дебатов о том, допускают ли приличия прибытие в академию без компаньонки, Томас помог миссис Харви получить комнату в таверне, после чего мы с ней распрощались. А затем покинули селение и принялись взбираться на самую высокую из виденных мной гор.

Когда спустя какое-то время мы наконец перевалили ее вершину, луна уже полностью взошла. В ее свете я смогла разглядеть бледные стены увенчанного башнями замка, который когда-то был домом Влада Цепеша. Его окружал угольно-черный лес, природная крепость вокруг рукотворной. Уж не здесь ли Влад брал дерево для колов?

Презрев приличия, я чуть-чуть придвинулась к Томасу, ища по разным причинам его тепла. Я не думала об этом ранее, но Брашов располагался совсем недалеко от нашей школы. Кто бы ни убил ту, первую жертву, он выбрал место рядом с замком Дракулы.

Хотелось надеяться, что это не предвещает новых, еще более скверных убийств.

– Похоже, что кто-то оставил свет для нас, – кивнул Томас, указывая на два светящихся фонаря. Судя по тому, что мне было известно, их вполне можно было объявить воротами в логово Сатаны.

– Выглядит... уютно.

Мы выехали из леса по узкой извилистой дорожке леса, миновали небольшую лужайку и наконец остановились у замка. Слава богу! Лунный свет касался шпилей и скользил вниз по крышам, и за санями и упряжкой протянулись зловещие тени. Этот замок выглядел жутковато – а ведь я еще даже не ступила внутрь!

На миг мне очень захотелось спрятаться под мехами и отправиться назад в тот прекрасно укрепленный, красочный городок, чьи огоньки, словно светлячки, светились в долине внизу.

Наверное, путешествие обратно в Англию вместе с миссис Харви не станет слишком ужасным. Я могу отправиться навестить кузину в деревне. Мы будем проводить время вместе, болтать и шить что-нибудь для приданого. Ведь это не так уж скверно? Лиза даже самые приземленные занятия способна превратить в невероятное романтическое приключение, и я бесконечно по ней скучаю.

Острый приступ тоски по дому ударил меня под дых, и мне едва хватило сил, чтобы не согнуться от боли. Я совершила ошибку. Я не была готова ворваться в эту академию, построенную для молодых мужчин. Столы для препарирования тел и анатомические театры. Все это послужит напоминанием о деле, которое до сих пор не отпускает меня. Деле, разбившем мне сердце.

– Ты ослепишь их всех, Уодсворт, – Томас нежно сжал мою руку, прежде чем отпустить ее. – Я жду не дождусь того момента, когда ты затмишь их всех. Включая меня. Но, пожалуйста, будь со мной деликатна. Притворись, что я чудесен.

Я затолкала свои переживания глубже и улыбнулась.

– Это очень сложная задача, но я постараюсь быть с тобой помягче, Кресуэлл.

Я вышла из саней с новыми силами и направилась к широким каменным ступеням. Томас тем временем расплатился с кучером и жестом велел сгрузить наши сундуки. Я стояла, приподняв юбки, чтобы снег не налип на подол, и ждала, когда он ко мне присоединится. Мне не хотелось в одиночку переступить этот мрачный порог. Мы добрались. Мы вместе посмотрим в лицо моим демонам.

По сторонам от массивной дубовой двери висели два фонаря, а гигантский дверной молоток располагался ровно посередине. Он был сделан в виде двух изогнувшихся змей, что сплетались, образуя задумчивое лицо.

Томас взглянул на дверной молоток и сухо улыбнулся.

– Гостеприимно, не правда ли?

– Это один из самых отвратительных предметов, что я видела в своей жизни.

Едва я подняла эту мерзкую штуку, чтобы постучать, как дверь со стоном отворилась. За ней оказался высокий, худой мужчина с серебряными волосами, ниспадавшими на его воротник, и с недобрым взглядом запавших глаз. Огонь у него за спиной создавал золотистый ореол вокруг узкого лица. Смуглая кожа блестела от пота, который он не потрудился стереть.

Я даже не рисковала предположить, чем он занимался.

– Двери запирают через две минуты, – сказал он с сильным румынским акцентом. Верхняя его губа приподнялась, словно он знал, что я борюсь с желанием сделать шаг назад. Я могла поклясться, что его резцы были достаточно острыми, чтобы прокусить кожу. – Я советовал бы вам поскорее войти внутрь и захлопнуть дверь, пока ничего не влетело. У нас небольшие проблемы с летучими мышами.

Глава шестая

Приятен, как разлагающийся труп

Академия судебной медицины и науки
Institutului National de Criminalistici Medicina Legala
Замок Бран
1 декабря 1888 года

Я захлопнула рот, скорее из-за потрясения от такого вопиющего приветствия, чем из уступчивости.

Что за грубиян! Он осмотрел Томаса все с той же высокомерной ухмылкой, словно бы приклеенной к лицу. Я с усилием заставила себя переключить внимание – побоялась, что от слишком пристального взгляда могу обратиться в камень. Судя по всему, этот человек вел свой род от мифических Горгон. Он был обаятелен, как Медуза, – я осознала, что именно мне напомнил дверной молоточек.

Мы вошли в дверь и молча подождали, пока этот человек сходил за горничной и принялся отдавать ей какие-то распоряжения по-румынски. Мой друг переступил с ноги на ногу, но промолчал. Вот уж чудо и блаженство!

Я огляделась по сторонам. Мы стояли в полукруглом вестибюле, вправо и влево уходило несколько темных коридоров. Прямо перед нами располагалась довольно простая лестница, разделяющаяся надвое. Она вела и вверх, и вниз. Лестницу уравнивал громадный камин. Но даже доброжелательная атмосфера, создаваемая потрескивающими дровами, не помогла – руки мои покрылись «гусиной кожей». Казалось, что от нашего присутствия замок заledenел. Мне почудилось, будто от потолочных балок долетел порыв ледяного воздуха. Во всех углах, куда не доставал свет очага, гнездилась тьма, густая и тяжелая, словно кошмар, от которого никак не можешь очнуться.

Интересно, где они хранят трупы, которые мы должны изучать?

Мужчина поднял голову и посмотрел мне в глаза. Он словно услышал мои мысли и пожелал посмеяться надо мной. Я понадеялась, что сквозь брешь в моем потускневшем доспехе не проглядывает смятение. Когда он отвернулся, я с трудом сглотнула и перевела дух.

– Он вызывает у меня крайне странные ощущения, – прошептала я.

Томас позволил себе на миг отвлечься от этого человека и служанки, кивавшей в ответ на каждое его слово.

– Это помещение столь же очаровательно. Канделябры сплошь в виде драконов. Посмотри на эти зубы, рассекающие огонь. Готов поспорить – их сделали по личному заказу Влада.

По стенам вестибюля были равномерно распределены факелы. Темные деревянные балки, окаймляющие потолок и двери, напоминали мне почерневшие десны. Мне упорно казалось, будто этот замок любит поглощать свежую кровь не меньше, чем его предыдущий обитатель любил ее проливать. Кошмарное место для любого учебного заведения, не говоря уже о таком, где изучают мертвых.

Сквозь запахи каменного пола и керосина просочились ароматы лимона и антисептика. Чистящие средства, служащие двум противоположным целям. Я заметила, что пол вестибюля был влажным, и предположила, что кто-то еще из студентов прибыл во время бури.

Тут под потолком, напоминающим свод пещеры, захлопали крылья, и это немедленно привлекло мое внимание. Высоко в стене были прорублены сводчатые окна, и видно было, что они затянуты паутиной. Летучих мышей я не заметила, но мне так и представились устремлен-

ные на меня злобные красные глазки. Я от души понадеялась, что мне не придется во время обучения столкнуться с подобными существами. Меня всегда пугали их кожистые крылья и острые зубы.

Служанка присела в реверансе и поспешно исчезла в крайнем левом коридоре.

– Мы не ждали супругов. Вы можете разместиться на втором этаже слева.

И он взмахнул рукой, предлагая мне удалиться. Сперва этот человек показался мне старым – из-за его волос. Теперь же я разглядела, что лицо его намного моложе, почти без морщин. Ему было не больше сорока – примерно ровесник моего отца.

– Студенты-криминалисты располагаются в восточном крыле. Или, вернее будет сказать, студенты, соперничающие за право участвовать в нашей криминалистической программе. Идемте. – Он шагнул к Томасу. – Я вас проведу. Покажу вам ваши покои. Вы сможете навещать вашу жену после окончания занятий.

Глаза Томаса нехорошо заблестели, но это была не его битва. Я сделала шаг вперед и кашлянула.

– Вообще-то мы оба приехали изучать криминалистику. И я не его жена. Сэр.

Этот мерзкий тип внезапно остановился. Он медленно развернулся на каблуках, и те пронзительно заскрипели об пол. Мужчина сощурился, словно сомневаясь, что в точности слышал мои слова.

– Простите?

– Мое имя – мисс Одри Роуз Уодсворт. Я полагаю, академия получила рекомендательное письмо от моего дяди, доктора Джонатана Уодсворта из Лондона. Я уже некоторое время училась у него. Мы с мистером Крессуэллом оба присутствовали там во время убийств, которые чинил Потрошитель. Мы помогали моему дяде и Скотланд-Ярду расследовать преступления. Я совершенно уверена, что директор академии получал это письмо. Он на него ответил.

– Это так.

Его тон не был вопросительным, но я притворилась, будто не поняла этого.

– Да, именно так.

Невозмутимость исчезла с лица мужчины. Жилка у него на шее пульсировала, словно вытягивая из меня жизнь. Хотя уже случалось, чтобы женщины изучали медицину или криминалистику, этот человек явно не относился к прогрессивной общественности, и его не радовало, что в мужской клуб вторгаются девушки в кружевах. Девушки, явно не знающие, что их место – дома, а не в медицинской лаборатории. Это было очень в его духе – предположить, что я здесь лишь потому, что Томасу захотелось прихватить меня с собой. Хоть бы он не оказался преподавателем! Учеба у него превратилась бы в подобие пытки, которой я предпочла бы избежать.

Я вскинула голову. Я не желала отступать под его взглядом. Он меня не запугает! Я прошлой осенью имела дело с самим Джеком-потрошителем! Мужчина приподнял бровь и оценивающе взглянул на меня. Похоже, мало находилось таких людей – будь то мужчина или женщина, – что осмеливались бы ему противоречить.

– А! Ну тогда ладно. Я не думал, что вы сюда доберетесь. Добро пожаловать в академию, мисс Уодсворт.

Он попытался улыбнуться, но вид у него при этом сделался такой, будто он летучую мышь проглотил.

– Вы что-то сказали насчет соперничества за место в программе, – сказала я, проигнорировав его недовольную мину. – Мы полагали, что мы приняты.

– Хм. К вашему прискорбию, это не так. Сюда стремятся сотни желающих учиться, – сказал он, заносчиво вскинув голову. – Но удастся это не всем. Каждый сезон мы проводим пробный курс занятий, чтобы определить, кто на самом деле станет студентом.

Томас отшатнулся.

– Так наши места не гарантированы?

– Отнюдь. – Мужчина широко улыбнулся. Воистину кошмарное зрелище. – У вас есть четыре недели, чтобы показать, на что вы способны. В конце испытательного периода мы решим, кто сможет пройти полный курс обучения.

У меня все внутри сжалось.

– Если все студенты пройдут пробный курс успешно, их примут всех?

– Сейчас вас девяттеро. Приняты будут только двое. Ну, ладно. Можете идти за мной, мисс Уодсворт. Ваши покои находятся в восточном крыле, на третьем этаже. Вы будете там жить одна. Ну, то есть не совсем. Мы держим на этом этаже лишние трупы. Они вас не побеспокоят... особо.

Вопреки вновь открывшимся обстоятельствам я сумела улыбнуться. Мертвецы были книгами, которые нам с дядей нравилось читать. Я не боялась проводить время среди трупов, изучая их в поисках улик. Ну... до недавнего времени. Моя улыбка поблекла, но мне удалось сдержать дрожь. Я надеялась, что сумею контролировать свои эмоции, и близкое соседство с трупами может оказаться целительным для меня.

– Они – далеко не самое неприятное общество.

Стоящий за спиной у мужчины Томас сделал неприличный жест, и я чуть не подавилась удивленным смешком, когда тот развернулся и гневно сверкнул глазами.

– В чем дело, мистер Кресуэлл?

– Если вы так уж хотите знать, я сказал, что вы...

Я качнула головой, надеясь, что Томас послушается этого знака и помолчит. Нам только не хватало настроить этого человека еще враждебнее!

– Прошу прощения, сэр. Я спросила...

– Называйте меня «директор Молдовеану», или вас отошлют обратно в ту великосветскую выгребную яму, из которой вы явились! Сомневаюсь, что кто-либо из вас будет принят. У нас есть ученики, которые занимались по много месяцев, но так и не сумели поступить. Скажите-ка мне, раз вы так хороши в своем деле, то где же Джек-потрошитель, а? Почему вы сейчас не в Лондоне, не охотитесь на него? Может, вы его боитесь? Или просто сбежали, когда дело стало слишком трудным?

Директор подождал чуть-чуть, но я сомневалась, что он действительно ждал от нас ответа. Он покачал головой, и лицо его сделалось еще более неприветливым.

– Ваш дядя – мудрый человек. Мне крайне подозрительно, что он не раскрыл это преступление. Неужто Джонатан Уодсворт сдался?

Я встретила изумленный взгляд Томаса, и меня захлестнула паника и вонзилась в мои внутренности, пытающиеся ускользнуть. Мы так и не сказали дяде, кем на самом деле был Потрошитель, но я знала, что он это подозревает.

Томас стиснул кулаки, но все-таки удержал свой болтливый язык на привязи. Он осознал, что за любые нарушения субординации наказана буду я, кто бы из нас двоих ни проявил непочтительность. При других обстоятельствах это произвело бы на меня сильное впечатление. Впервые на моей памяти Томас сумел сдержаться.

– Не думаю, что вы знаете ответ. Ну да ладно. Следуйте за мной. Ваши чемоданы будут ждать вас в ваших покоях. Ужин уже прошел. К завтраку вы должны явиться вовремя, к восходу солнца, или пропустите и его. – Директор Молдовеану двинулся к широкому коридору, ведущему в восточное крыло, но остановился. Не оборачиваясь, он произнес: – Добро пожаловать в Институтули Натионал де криминалистика си медицина легала. Пока что.

Несколько секунд я стояла неподвижно, с колотящимся сердцем. Что за абсурд! Вот этот отвратительный человек – наш директор?! Его шаги эхом разносились по похожему на пещеру вестибюлю – колокола рока, отбивающие час страха. Глубоко вздохнув, Томас перевел взгляд на меня. Нам предстояли очень длинные и мучительные четыре недели.

Оставив Томаса на его этаже, я поднялась по истертой лестнице, расположенной в конце длинного, широкого коридора, – мне указал на нее директор. Ступени ее были из темного дерева, а стены – мрачно-белые; здесь не было темно-красных гобеленов, мимо которых мы проходили в нижних коридорах. Тени растягивались между неудачно размещенными канделябрами и подрагивали в такт моим шагам. Это напомнило мне, как я шла по безлюдным коридорам Бедлама.

Не обращая внимания на страх, трепещущий у меня в груди, я вспомнила обитателей этого сумасшедшего дома и расчетливость, с которой некоторые из них вышагивали за ржавыми решетками. То здание, как и этот замок, напоминало мне живой организм. Обладающий сознанием, но не способный отличать дурное от доброго. А может, мне просто требуется вымыться и хорошенько выспаться?

Камни и дерево – не кость и плоть.

Молдовеану сказал, что мои покои располагаются за первой дверью справа, прежде чем уйти бог весть куда. Возможно, отправился спать на потолочную балку, к своим родичам. Не исключено, что я пробормотала это вслух, потому что он резко развернулся и сверкнул глазами. Потрясающее начало учебы.

Я добралась до маленькой лестничной площадки, на которой располагались мои покои и в нескольких футах от них – вторая дверь, а за нею лестница снова уходила вверх. В этой части коридора факелов не было, и тьма угнетала. Я стояла, оцепенев, и мне казалось, что тени смотрят на меня так же пристально, как и я на них.

Дыхание вырывалось у меня изо рта резкими белыми струйками. Наверное, здесь было так холодно отчасти потому, что замок располагался высоко в горах, а отчасти – потому, что здесь хранили трупы.

Возможно, именно это поманило меня во тьму. Я на миг прикрыла глаза, и чувства мои уязвило видение трупов, полуразложившихся мертвых тел, встающих со столов для вскрытия. Даже если позабыть про мой пол – если кто-либо из соучеников хотя бы заподозрит, что я боюсь трупов, меня подвергнут осмеянию и выгонят из академии.

Не беспокоясь более об этом, я отворила дверь и осмотрела помещение. На первый взгляд казалось, что комнату использовали как гостиную или приемную. Здесь, как и во всем замке, стены были белыми, окаймленными темным коричнево-черным деревом. Меня поразило, до чего же темной казалась эта комната, даже при ее белых стенах и пляшущих в камине языках пламени.

Самую маленькую стену занимали книжные полки. Слева находился вход в другую комнату – как я предположила, в мою спальню. Я быстро прошла через гостиную – там стоял диван с парчовой обивкой, – и осмотрела вторую комнату; это действительно оказалась спальня, вполне уютная, обустроенная для студента. У меня обнаружился небольшой секретер со стулом, выполненным в том же стиле, небольшой одежный шкаф, одноместная кровать, тумбочка и сундук. Все это было сделано из темного дуба, вполне возможно, срубленного в окрестном лесу.

Видение мертвых тел, пронзенных черными кольями, промелькнуло у меня в сознании, прежде чем я успела изгнать его. Надеюсь, эти деревяшки не использовались нигде в замке. А вдруг человек, проткнувший колом того несчастного в городе, тоже брал сучья здесь?

Я заставила себя отвлечься от мыслей о жертве в поезде и о втором убитом, о котором написали в газете. Я ничем не могла им помочь, как бы мне этого ни хотелось.

Бросив беглый взгляд на вторую дверь – несомненно, это туалетная комната, о которой упоминал директор Молдовеану, – я вновь сосредоточилась на гостиной. Маленькое окно, прорубленное почти под самой деревянной балкой, смотрело на Карпатский хребет. Отсюда горы

выглядели белыми и зазубренными, словно сломанные зубы. В глубине души мне захотелось добраться до окна и посмотреть на скованный зимой мир, позабыв про мое сложное положение.

Мне не терпелось попросить теплой воды и смыть с себя дорожную грязь. Но сперва надо найти способ поговорить с Томасом. Мне до сих пор так и не подвернулось случая показать ему найденное изображение дракона, и мысль о том, что в ближайшее время мы не сможем это обсудить, доводила меня до иступления. Не говоря уже о том, что меня чрезвычайно заинтересовала странная реакция Томаса на имя Данешти, и я очень хотела его об этом расспросить.

Я прикоснулась к лежащему в кармане листку бумаги, просто чтобы убедиться, что он реален, что это не плод моего воображения. Возможно, он был как-то связан с убийством в поезде, и это меня пугало. Я не смела даже размышлять о том, какое послание мне хотели передать, оставив этот рисунок у меня в купе, или кто мог пробраться туда без моего ведома.

Я остановилась у камина, окунувшись в его тепло, и принялась составлять план. Когда мы прибыли в замок, Молдовеану ничего не сказал насчет того, что студентам запрещено по ночам покидать свои комнаты. Равно как и не говорил, что мне не дозволяется ходить по замку. Если это обнаружится, будет скандал, но если я сумею прокрасться в покои Томаса...

Где-то в моих покоях скрипнул пол, и у меня чуть сердце не выскочило из груди. Мне сразу же представились убийцы, крадущиеся по вагону и оставляющие мне загадочные сообщения с драконом. Он здесь! Он последовал за нами в замок и теперь убьет и меня тоже, проткнет колом! Какая же я дура, что не рассказала обо всем Томасу, пока миссис Харви дремала! «Дыши!» – приказала себе я. Мне требовалось оружие. В комнате имелся канделябр, но он стоял слишком далеко, чтобы я могла его схватить незаметно для того, кто прятался в спальне или уборной.

Чтобы не приближаться к этим помещениям без оружия, я схватила с полки большую книгу и приготовилась огреть ею врага по голове. Оглушить его или сбить с ног – вот максимум, на что я способна. Я оглядела гостиную. Она была пуста. Полнейшее отсутствие живых существ, как я уже определила. Быстрый осмотр спальни дал тот же самый результат. Уборная меня не особо беспокоила: похоже, они была слишком мала, чтобы таить какую-либо серьезную угрозу. Возможно, поскрипывание было вызвано оседанием замка. Я вздохнула и вернула книгу на полку. Воистину, нас ждет ужасная зима.

Как хорошо, что здесь есть камин! Он помогал мне успокоиться. Даже здесь, в этом замкнутом пространстве, тепло дарило мне иллюзию, будто я нахожусь на тропическом острове, а не в одинокой башне ледяного замка, прислушиваясь к пугающим звукам – куда менее страшным, чем мое собственное воображение.

Я потеряла лоб. Мне вспомнились последние мгновения Джека-потрошителя в его богом забытой лаборатории – как он щелкнул переключателем... мне кое-как удалось остановиться. Горе упорно не желало выпускать меня из своих объятий. Я больше не могла терпеть это ночь за ночью. Джек-потрошитель никогда не вернется. Его эксперименты окончены. Как и его жизнь.

То же самое можно сказать и об этом замке. Дракула мертв и не воскреснет.

– Черт, как же все сложно! – выругалась я и плюхнулась на диван. Я считала, что я здесь одна, но тут из-за закрытой двери послышался сдавленный смешок. Щеки мои вспыхнули. Я схватила канделябр и кинулась к тускло освещенной туалетной комнате.

– Эй, кто тут! А ну покажись! Немедленно!

– Ими паре рау, домнисора⁴. – Молодая горничная сошла со своего места рядом с ванной и, извинившись, бросила тряпку в ведро. Ее серые глаза были устремлены на меня. На горничной была тускло-белая крестьянская блуза, заправленная в лоскутную юбку. Поверх был надет вышитый фартук. – Я не хотела подслушивать. Меня зовут Иляна.

⁴ Прошу прощения, госпожа (румынск.).

У нее был мягкий и манящий голос – словно шепот лета в глухой зимней ночи. Черные волосы были заплетены в косу и уложены под чепчик горничной. Фартук был испачкан золой: наверное, она недавно разводила огонь в камине. Я облегченно выдохнула.

– Пожалуйста, не надо называть меня «мисс». Одри Роуз или просто Одри будет вполне достаточно. – Я оглядела свежевывитую туалетную комнату. Жидкое пламя светилось на каждой темной поверхности, напоминая мне об отблесках лунного света на пролитой крови. О телесных жидкостях, вытекающих из трупов жертв Джека-потрошителя. Я отогнала эту картину прочь. Этот замок оказывал разрушительное воздействие на мою и без того болезненную память. – Вы приставлены к этой башне?

Девушка зарделась и кивнула. Румянец был замечен даже под слоем золы и грязи.

– Да, домнисора... Одри Роуз.

– У вас превосходное произношение, – сказала я пораженно. – Надеюсь, с вашей помощью я смогу улучшить свой румынский. Где вы научились говорить по-английски?

Я сперва спросила, и лишь потом спохватилась. Это же ужасно грубо – задавать такие вопросы! Иляна лишь улыбнулась.

– Семья моей матери передала его каждому из детей.

Очень странно для бедной семьи из Брашова. Но я решила не обращать внимания. Мне не хотелось еще сильнее оскорбить потенциальную новую подругу. Я поймала себя на том, что снова тереблю пуговицы на перчатках, и остановилась.

Иляна поставила корзину на бедро и кивнула на дверь.

– Если я сейчас не разведу огонь в комнатах юношей, у меня будут неприятности, дом... Одри Роуз.

– Да-да, конечно, – сказала я, заламывая руки. Я не осознавала, насколько мне было одиноко без Лизы и как сильно мне хотелось иметь подругу. – Спасибо за уборку. Если вы оставите, чем можно убраться, я могу помочь.

– Нет-нет! Директор Молдовеану этого не одобрит. Я должна наводить порядок, когда в комнатах никого нет. Я думала, вы придете попозже. – Должно быть, на моем лице отразилось такое разочарование, что Иляна смягчилась. – Если хотите, я могу приносить завтрак вам в комнату. Я так делаю для другой девушки.

– А что, еще какая-то девушка осталась здесь на зиму?

Иляна медленно кивнула и улыбнулась, широко, как я сама.

– Да, домнисора. Она – подопечная директора. Хотите с ней встретиться?

– Прекрасная идея, – сказала я. – Я бы с удовольствием с ней познакомилась.

– Вам помочь переодеться для сна?

Я кивнула, и Иляна принялась трудиться над моим корсетом. Когда она развязала его и я осталась в сорочке, я поблагодарила ее.

– Дальше я сама, спасибо.

Иляна толкнула дверь бедром и пожелала мне спокойной ночи по-румынски:

– Нопте буна.

Я заглянула в туалетную комнату и осознала, что Иляна наполнила ванну горячей водой. Над ней приглашающе поднимался пар. Я прикусила губу и задумалась, созерцая теплую ванну. Пожалуй, все-таки слишком неприлично идти в покои Томаса в такое позднее время. Я вовсе не хочу лишиться репутации в глазах местного общества из-за своего нетерпения. Рисунок с драконом никуда не денется до утра.

Я сняла нижнее белье, чувствуя, как тепло воды и дружбы согревает мое усталое тело.

Возможно, ближайшие недели будут все-таки не такими ужасными, как мне казалось.

Глава седьмая

Фольклор

Покои в башне
Camere din turn
Замок Бран
2 декабря 1888 года

Я устроилась на диванчике, стараясь не ерзать; над деревьями поднималась дымка и стужалась над горами, как туман в лондонских переулках.

Иляна говорила, что придет и принесет завтрак, но солнце уже почти взошло, а ее все нет. Судя по тому, что мне было известно, ее могли задержать в другой части замка. Я начала нетерпеливо притопывать. Директор Молдовеану запрет обеденный зал перед моим носом, если я опоздаю. Мой желудок неодобрительно заурчал от ожидания. Я решила, что дам Иляне еще две минуты, а потом все-таки спущусь в обеденный зал. Если я хочу продержаться следующие несколько недель и сохранить способность здраво мыслить, мне нужно поддерживать силы.

Я прошла в спальню и покопалась в тех немногих личных вещах, что взяла с собою. Среди них была сделанная давным-давно фотография матери и отца. Я поставила ее на тумбочку и почувствовала себя чуть менее одинокой в этом чужом месте.

Стук в дверь раздался в тот самый момент, когда за окном моих покоев в башне солнце позолотило вершины гор. Ну слава богу! Я быстро перешла в другую комнату и разглядела свою темно-зеленую юбку. За дверью слышалось перешептывание, но когда я открыла дверь, оно затихло.

Иляна держала в руках накрытый поднос и улыбалась стоящей рядом молодой женщине.

– Это мисс Анастасия. Она...

– Подопечная директора Молдовеану, или, как я люблю его называть, Самого Необаятельного Человека за всю историю Румынии. – Она взмахнула рукой и переступила порог. Ее акцент немного отличался от выговора Иляны, но по сути был схож с ним. – Честно говоря, он не так уж плох. Он просто... как бы вам объяснить...

– Со странностями? – предложила я. Анастасия рассмеялась, но ничего не добавила.

Иляна улыбнулась.

– Я поставлю это здесь.

Я прошла следом за ней к диванчику и столу, а Анастасия тем временем разглядывала книжные полки. У нее было простое, но милое лицо, волосы цвета спелой пшеницы и ярко-голубые глаза. Анастасия определенно знала, как использовать свои преимущества наилучшим образом – особенно свою заразительную улыбку.

– Вы ищете что-то конкретное? – спросила я, заметив, как методично она изучает корешки книг.

– Я так рада, что вы здесь. Молодые люди – они... фара манере⁵. – Анастасия повела плечиком, потом, видимо, заметила отразившееся на моем лице замешательство. – Большинство из них не особо приятны и не особо вежливы. Возможно, дело в недостатке кислорода. Или женщин. Самое большое разочарование – братья-итальянцы. Они постоянно сидят, уткнувшись носом в книги. Даже не взглянут в мою сторону! Даже когда я демонстрирую свои самые выигрышные стороны!

⁵ Не умеют себя вести (румынск.).

Она схватила книгу с полки, раскрыла ее, поднесла к самому лицу и принялась так и расхаживать, передразнивая неизвестных мне итальянцев. Иляна широко улыбнулась и уставилась в пол.

– Я надеялась найти какой-нибудь готический роман, чтобы скоротать время, когда вы будете на занятиях, – сказала Анастасия, отбросив книгу. – Конечно же, дядя Молдовеану не держит здесь таких фривольных книг. Вы случайно не привезли с собой каких-нибудь готических романов?

Я покачала головой.

– А вы тоже будете посещать занятия?

– Конечно, нет. Дядя считает, что девушке моего положения это не подобает. – Анастасия закатила глаза и с раздраженным фырканьем опустилась на диванчик. – Но мне это безразлично. Я все равно буду посещать некоторые занятия, хотя бы назло ему. Не может же он находиться везде одновременно.

– А еще кто-нибудь прибыл?

– Полагаю, что из видных семейств уже все. На этот раз группа будет маленькая. Говорят, дяде велено не увлекаться.

– Почему они думают, что он увлекается? – спросила я. Иляна сняла крышку с подноса. Под ней обнаружили булочки и пирожки с мясом, и теперь ее внимание было приковано к ним. Я вежливо откусила кусочек ароматного пирожка и едва сдержалась, чтобы не проглотить их все. Не знаю, как их готовили, но они великолепны.

– Такие слухи ходят в замке. Я их изучила, пока умирала от скуки. Пока что все на этом курсе либо из знатных семей, либо крестьяне, о которых поговаривают, что они связаны со знатью. Бастарды, в общем. Никто не знает, в чем смысл этих царских кровей, если он, конечно, есть. И не спрашивайте меня про братьев-итальянцев. Они ни с кем не разговаривают – только друг с другом. Я понятия не имею, что за история стоит за ними.

Анастасия откусила кусочек пирожка и застонала от удовольствия.

– Хотя некоторые считают, что это часть вашего испытания. Дядя обожает игры и интриги. Он уверен, что иностранные студенты должны освоить навык выискивать общее: он может быть полезен при поиске убийц. – Она оценивающее взглянула на меня. – Вы явно из знати. Как ваша фамилия?

– Уодсворт. Мой отец...

– У вас нет родни в Румынии?

Я удивленно моргнула.

– Насколько мне известно – нет. Среди предков моей матери были индусы, а мой отец – англичанин.

– Интересно. Возможно, не все происходят из этого региона.

Анастасия откусила еще пирожка.

– Я слышала, вы прибыли среди ночи вместе с молодым человеком. Вы помолвлены?

Я чуть не подавилась своим завтраком.

– Мы... друзья. И партнеры по работе.

Анастасия заулыбалась.

– Я слышала, он довольно красив. Возможно, я выйду замуж за него, раз вы всего лишь партнеры по работе. – Уж не знаю, что отразилось на моем лице, но Анастасия поспешно добавила: – Я шучу. Мое сердце отдано другому, хоть он и делает вид, будто меня не существует. Как прошло ваше путешествие?

Перед моим мысленным взором промелькнуло пронзенное колом тело. Я положила мясной пирог на место. Мне отчего-то перехотелось есть.

– Вообще-то ужасно. – Я беспристрастно описала того мужчину в поезде и характер полученной им раны. Смуглая от природы Иляна побледнела, как привидение. – У меня не было

возможности проверить, что именно засунули ему в рот. Однако же оно было природного происхождения и имело беловатый цвет. Запах был... резкий, но чем-то знакомый.

– Устрой, – прошептала Анастасия, распахнув глаза.

– Что это?

– Чеснок. Я читала, что его кладут в рот тем, кого считают... англичане называют их вампирами.

– Вот это уж точно пошло из готических романов! – фыркнула Иляна. – Здесь от стригоев избавляются иначе.

Я снова подумала о той органической субстанции. Да, чеснок вполне подпадал под описание, и запах становился понятен.

– Мой друг сказал, что стригоев сжигали, – осторожно сказала я. – И что все, кто пострадал от стригоя, пили пепел.

– Какая гадость! – Анастасия подалась вперед, жаждая новых сведений. Она напоминала мне мою кузину, только там, где Лизу влекло к опасности в сочетании с романтикой, Анастасию, похоже, возбуждала сама опасность. – А что, крестьяне до сих пор так делают? В Венгрии некоторые селяне очень привержены старым обычаям. Они ужасно суеверны.

– А вы венгерка? – спросила я. Анастасия кивнула. – Но вы тоже говорите по-румынски?

– Конечно. Мы учим его наряду с нашим собственным языком. Я еще неплохо знаю итальянский. Правда, мне как-то не удалось его использовать с вашими соучениками. – Она переключилась на Иляну. Горничная сжала лежащую на коленях салфетку, изо всех сил делая вид, будто не замечает пристального взгляда Анастасии. – А как жители этого городка опознают стригоев? Или это просто тайное общество, как драгонисты?

Анастасия снова завладела моим вниманием. Я готова была поклясться, что рисунок сейчас прожжет дыру в моем кармане. На мгновение я ощутила потребность утаить этот рисунок, скрыть его ото всех до тех пор, пока я не узнаю, откуда он взялся. Но это не имело никакого смысла. Я достала рисунок и положила его на стол.

– Кто-то оставил это в моем купе вскоре после убийства. Вы, случайно, не знаете, что это означает и означает ли вообще?

Анастасия посмотрела на рисунок. Лицо ее сделалось замкнутым, и я не могла понять его выражения. Прошло несколько секунд.

– Вам доводилось слышать про Орден Дракона? – спросила Анастасия. Я покачала головой. – Они...

– Уже поздно. – Иляна вскочила и показала на часы на каминной полке. – Молдовеану меня уволит, если я не явлюсь на работу. – Она торопливо собрала наши салфетки и накрыла поднос крышкой. От его звяканья у меня заныли зубы. – Вам обоим следует спуститься в сала де мезе⁶. Молдовеану будет смотреть.

– Вы хотите сказать, что директор не запирает двери обеденного зала после определенного времени?

Иляна посмотрела на меня с жалостью.

– Он грозит, но так этого и не делает.

И, не сказав больше ни слова, горничная пулей вылетела из комнаты. Анастасия покачала головой и встала.

– Крестьяне так суеверны! Одно лишь упоминание о сверхъестественном заставляет их дергаться. Пойдем. – Она взяла меня под руку. – Давайте я представлю вас вашим уважаемым соученикам.

⁶ Обеденный зал (румынск.).

– Судя по звукам, по обеденному залу сейчас носится небольшое стадо слонов, – сказала я Анастасии, когда мы приостановились перед дверью. Слышался топот ног, и звяканье крышек, и беззаботный гул голосов.

– Они определенно ведут себя, как стая зверей.

Беспокойство закрутилось к меня внутри. Я заглянула в щель между массивными дубовыми дверями. Несколько молодых людей сидели за столами, еще несколько с подносами в руках выстроились в очередь вдоль широкой кирпичной стены, но Томаса среди них не было. Я даже не подозревала, что такое малое количество людей способно произвести столько шума в таком просторном помещении. Обеденный зал был довольно большим; белые своды, напоминающие церковь, и стены, отделанные темным деревом, вполне соответствовали остальным помещениям замка.

Мне снова на ум пришли сказки и фольклор. Теперь я понимала, как подобный замок мог повлиять на писателей – хоть на тех же братьев Гримм. Он определенно был достаточно мрачным, чтобы породить жуткую атмосферу. Я постаралась не думать про отца и мать. Про то, как они читали эти сказки нам с Натаниэлем перед сном. Надо будет вскорости написать отцу. Надеюсь, ему уже лучше. Он поправлялся медленно, но неуклонно.

Внезапно меня отшвырнуло к стене. Я была испугана и шокирована тем, что кто-то не только врезался в меня, но еще и захихикал, словно такое поведение не было оскорбительным для молодой женщины.

Анастасия вздохнула.

– Мисс Уодсворт, позвольте представить вам профессора Раду. Он будет читать вам фольклор во время пробного курса.

– Ох, голубушка! Я вас не заметил. – Профессор Раду принялся мять в руках салфетку и случайно уронил со своего подноса кусок хлеба. Я нагнулась, чтобы поднять его, профессор тоже, и мы столкнулись лбами. Профессор даже не моргнул. Наверное, его череп был из гранита. Я потеряла лоб в том месте, где уже начала возникать шишка, и скривилась от боли.

– Ими паре рау. Прошу прощения, мисс Уодсворт. Надеюсь, я не забрызгал ваше чудесное платье овсянкой.

Я оглядела себя и с облегчением убедилась, что на моем наряде нет ни следа этой пакости. В одной руке я держала упавший хлеб, а другой ощупывала синяк, наливающийся у линии роста волос. Оставалось надеяться, что этот удар вколотил мне немного ума, а не вышиб его окончательно. Но было достаточно больно, чтобы я в этом усомнилась.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, профессор, – сказала я. – Кажется, пострадал только ваш хлеб. И, возможно, ваша голова – из-за моей.

– Я не уверена, что с ней изначально все было в порядке, – прошептала Анастасия.

– Э... что? – переспросил Раду, глядя то на хлеб, то на Анастасию.

– Я сказала, что уверена, что он по-прежнему превосходен на вкус, – соврала она.

Раду выхватил у меня испачканный кусок хлеба – словно гроздь винограда с куста сорвал – и откусил кусочек. Я понадеялась, что не скривилась сейчас, как Анастасия; мне вовсе не хотелось выказывать захлестнувшее меня отвращение.

– Лангоси ку бранза, – сказал профессор с полным ртом и с видом ценителя приподнял кустистые брови. – Испечен с брынзой. Вот, попробуйте!

И прежде, чем я успела вежливо отклонить предложение, он сунул мне этот кусок хлеба; когда профессор возбужденно сжал мои пальцы, хлеб чавкнул. Я изо всех сил изобразила улыбку, чувствуя, как масло пропитывает мои перчатки.

– Спасибо, профессор. А теперь прошу прощения, мы хотели бы познакомиться с остальными студентами.

Профессор Раду поправил очки, оставив на линзах жирное пятно.

– Разве директор вам не сказал? – Он посмотрел на нас, потом хмыкнул. – Все сейчас уезжают. Некоторые посетят Брашов. Если хотите, можете присоединиться к ним. Вы же не желаете бродить по горам в одиночку? В этих лесах полно существ, которые утягивают детей с троп и обглаживают до костей. – Он облизал пальцы, демонстрируя средневековые манеры. – В основном волков. Помимо всего прочего.

– Волки едят студентов? – спросила Анастасия. Судя по ее тону, она ни на миг в это не поверила. – Подумать только, дядя меня об этом не предупредил!

– О! Приколичи! Это будет первый миф, который мы обсудим на занятиях, – сказал профессор. – Существует множество великолепных фольклорных слухов и легенд, которые надо изложить и обсудить.

От упоминания о волках, крадущих детей, кровь в моих жилах похолодела. Возможно, я видела их следы из поезда, а потом снова, в лесу.

– Что такое при?..

– Приколичи – это духи убийц, появляющиеся в виде огромного немертвого волка. Некоторые верят, что это и есть волки и что они, если их убить, превращаются в стригоев. Надеюсь, вам понравятся мои уроки. А теперь помните – держитесь тропы и не бродите по лесу, что бы вы там ни увидели! Там множество, великое множество великолепных опасностей!

И он заковылял прочь, что-то бодро напевая себе под нос. На мгновение я задумалась: а каково это, жить, настолько погрузившись в грезы и вымыслы? Потом я вспомнила причудливые видения, которые мой мозг порождал в последние недели, и упрекнула себя за подобные мысли.

– Зачем нам будут читать фольклор и мифологию, если пробный курс длится всего четыре недели?

– Полагаю, для того, чтобы вы могли разгадать все части загадки, – повела плечиком Анастасия. – Хотя дядя верит, что наука объясняет большинство легенд.

Как бы мне ни претило хоть в чем-то соглашаться с Молдовеану, это утверждение я вполне поддерживала. Тут я увидела, как профессор снова уронил свой завтрак.

– Поверить не могу, что он съел тот кусок хлеба, – сказала я. – Я уверена, что к нему прилип дохлый жучок.

– Он, похоже, не против, – сказала Анастасия. – Возможно, он лишь рад дополнительному протеину.

Я досадливо дернулась – профессор врезался в очередного студента, грузного русоволового молодого человека; он мог бы быть симпатичным, если бы его не портила квадратная челюсть.

– Аи грия, батране⁷! – прошипел этот бегемот на Раду, потом зашагал к обеденному залу. По пути он сам оттолкнул студента более хрупкой комплекции и даже не извинился. Каков грубиян! Моих познаний в румынском хватило, чтобы понять, что он сказал пожилому человеку, чтобы тот был поосторожнее.

– Этот очаровательный экземпляр – румынский дворянин, – сказала Анастасия, когда русоволосый парень исчез в обеденном зале. – Его друзья немногим лучше.

– С нетерпением жду знакомства с ними, – сухо произнесла я. Я бросила пропитанный маслом кусочек хлеба в мусорное ведро и посмотрела на пятна на моих перчатках. Надо перед уходом сменить их на чистые. – Как вы думаете, а зачем студенты отправились в село?

– Не знаю, да и знать не хочу. – Анастасия с делано царственным видом вздернула носик. – Меня в такую снежную погоду наружу не выманишь! Ой! Я же хотела спросить у Раду, можно ли мне посещать его лекции! – Она прикусила губу. – Вы не будете против, если я вас покину на некоторое время? Вы же никуда не уйдете?

⁷ Осторожно, старик (*румынск.*).

– Если меня не заставят, то не вижу, зачем бы мне куда-то идти. Я лучше осмотрю замок. Я заметила тут комнату таксидермии и с удовольствием изучу ее поподробнее.

– Великолепно! – воскликнула Анастасия и чмокнула меня в щеку. – Тогда до скорой встречи!

Она поспешила следом за профессором. Тут в зале раздался пронзительный смех. Мне отчаянно не хотелось проделывать это в одиночестве, но все же пора было встать лицом к лицу со своими страхами и познакомиться наконец с моими соучениками. Постепенно. Я осторожно заглянула в зал. Вдобавок к этому нельзя сказать, что я совсем никого не знаю. Томас наверняка скоро подойдет.

Я вошла в обеденный зал с высоко поднятой головой. Пять рядов длинных столов были заполнены любопытными студентами, которые притихли, когда я направилась в противоположную часть зала. За одним из столов сидели три молодых человека, и одним из них был тот грузный грубиян из коридора.

За другим столом разместились два молодых шатена, не потрудившихся оторвать взгляда от книг – должно быть, те самые итальянцы. Кожа их была бронзовой, как будто они явились сюда с океанского побережья. Одним из них было тот самый юноша, которого грубый тип оттолкнул в коридоре и не извинился.

Жилистый молодой человек с желтовато-смуглой кожей сидел напротив юноши-очкарика с густыми рыжеватыми кудрями. Они уплетали свой завтрак за обе щеки, но все же подняли глаза при моем появлении и ошарашенно уставились на меня.

Шелест моих юбок затерялся среди пробежавших по залу шепотков, и я почувствовала, что у меня горят щеки. Ну что ж, по крайней мере у меня есть Томас. Даже если нам придется отвоевывать себе место в академии, мы можем сражаться вместе. Да и встречи с Анастасией я тоже буду ждать с нетерпением.

Один из парней за столом Грубияна громко фыркнул, а потом свистнул, словно собачонку подзывал. Ну, знаете ли!.. Я остановилась и смерила его уничтожающим взглядом. Ухмылка исчезла с его лица.

– Вас что-то насмешило? – спросила я, отметив про себя, что все они замолчали, словно солдаты, услышавшие призыв к бою. Он не ответил, и я повторила то же самое по-румынски. Во внезапно наступившей тишине мой голос звонко разнесся по залу.

Губы молодого человека едва заметно искривились. Волосы у него были чуть темнее, чем у Томаса, а глаза – карие, тоже более темные. В целом он обладал мрачноватой привлекательной внешностью в духе рокового героя. Кожа у него была обветренная, хотя он должен был принадлежать к знати, судя по тому, что упоминала Анастасия.

Сидящий рядом с темноволосым юношей толстяк фыркнул, приподняв верхнюю губу. У меня сложилось впечатление, что это его нормальное выражение лица – в силу генетических причин, и потому мне не стоит оскорбляться. Бедные его родители!

Я ждала, когда темноволосый юноша отведет взгляд, но он упрямо смотрел мне в глаза. То ли это было стремление выяснить, насколько легко меня сломить, то ли желание пофлиртовать – не знаю. Мне это было безразлично. Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли только из-за того, что я – женщина!

Мы все прибыли сюда, чтобы учиться. Проблема у него, не у меня. Возможно, отцам пришло время учить сыновей, как себя вести в обществе молодых женщин. Невзирая на все лживые заверения общества, они отнюдь не рождаются существами высшего порядка! Здесь мы все равны!

– Ну же?

– Я размышляю, домнисора. – Он лениво оглядел меня, присмотрелся пристальнее и кашлянул, прикрывшись рукой, – и, видимо, шепнул Толстяку что-то неподобающее, потому что тот зашелся хохотом.

Сидящий по другую сторону стола более стройный и чуть более бледный молодой человек кривясь смотрел то на темноволосого парня, то на меня, то на свои руки. Что-то в их фигурах заставило меня предположить, что они родня друг другу. Однако же выражение его лица было немного другим. Взгляд его метался, как будто на него несколько раз села муха, а потом улетела так, что не дотянешься. Он казался таким знакомым...

Я ахнула. Я узнала его!

– Вы! Я вас знаю!

Это он тогда был в поезде вместе с нами. Я была в этом уверена. Это был тот самый нервничающий пассажир, которого мне так хотелось расспросить. Юноша заерзал, уставившись на текстуру древесины стола, и сделал вид, будто не замечает меня. Казалось, будто кожа его потемнела прямо на глазах.

Я совершенно забыла про его неприятного темноволосого соседа и чуть не проглядела, как вспыхнули его глаза, когда я подобрала юбки и направилась к своему столу.

Глава восьмая

Злодей с лицом героя

Обеденный зал
Sala de mese
Замок Бран
2 декабря 1888 года

– Ты обставила свое появление самым эффектным образом, Уодсворт. Половина молодых людей из-за того стола теперь желают жениться на тебе. Мне придется вдвое усерднее работать над своими фехтовальными навыками, чтобы защитить твою честь.

Я облегченно перевела дыхание. Томас уселся напротив меня, прихватив с собой тарелку, нагруженную закусками из блюд разных стран. Вероятно, так здесь старались облегчить адаптацию студентам из разных уголков Европы. Да, и еще сладости. Миссис Харви была права, когда говорила про его слабость к десертам. Я так сосредоточилась на юноше, которого видела в поезде – я была в этом уверена! – что не заметила Томаса у буфета.

– Сомневаюсь, что это так. Скорее я сейчас нажила себе врагов. – Я подождала, пока Томас намажет лепешку топлеными сливками, и стащила ее. – И в любом случае мне неприятны все молодые люди за тем столом, Крессуэлл. Так что тебе пока что не надо менять скальпель на рапиру.

– Осторожнее! То же самое ты говорила и про меня. Я ведь так начну ревновать. Я хочу устроить дуэль, а не сровнять академию с землей или сжечь ее дотла. Хотя на самом деле это может улучшить отношение Молдовеану к нам. Пообещай, что наведишь меня в моей келье.

Я невольно улыбнулась и присмотрелась к моему другу.

– Ты же знаешь, Крессуэлл, никто не бесит меня так, как ты. Надеюсь, они теперь дважды подумают, прежде чем насмехаться надо мной.

– Я совершенно уверен, что тебя еще не раз постараются поддеть. – Томас ухмыльнулся и намазал очередную лепешку. – Мужчины любят охоту. Ты продемонстрировала, что тебя не так просто победить, и тем самым превратилась в интересную дичь. Как ты думаешь, почему тут на стенах развешено столько голов? Продemonстрировать свои трофеи – это все равно что заявить: «Я сильный и мужественный. Только посмотрите на голову этого оленя! Я не просто выследил его – я устроил ловушку и заманил его в свое логово. Давайте-ка выпьем бренди, поступим себя в грудь и кого-нибудь подстрелим».

– Ты хочешь сказать, что не прочь поймать меня в ловушку и повесить мою голову над камином? Как романтично! Расскажи мне еще что-нибудь.

Тут кто-то вмешался в наш разговор, кашлянув:

– Вы позволите присесть к вам? Ва рог⁸?

Даже сидя Томас как-то умудрился посмотреть сверху вниз на того самого темноволосого молодого человека, который так грубо смеялся надо мной, а теперь стоял у нашего стола. В его лице появилось нечто легкомысленное.

– Если вы обещаете вести себя хорошо. – Томас медленно отодвинул свой стул; тот негодуя проскрежетал ножками по полу. Он не зашел так далеко, чтобы позволить молодому человеку сесть между нами. Я снова вспомнила, какой он высокий и какие у него длинные конечности, и что он использует их не хуже любого другого оружия из своего арсенала. – Мне крайне не хотелось бы видеть, что мисс Уодсворт вызывает у вас замешательство. Снова.

⁸ Пожалуйста (румынск.).

Напряжение так и хлестало из него, такое мрачное и буйное, что чуть не захлестнуло и меня. Я никогда прежде не видела, чтобы Томас демонстрировал такие сильные эмоции, и предположила, что тут кроется что-то помимо обиды за меня. Возможно, Томас уже встречался с этим темноволосым юношей, и встреча их прошла не лучшим образом.

Не требовалось особых дедуктивных способностей, чтобы понять, что добром это не кончится. Томас готов был ринуться в бой, а нам только не хватало, чтобы его исключили. Сейчас Томас до кончиков ногтей был злодеем с лицом героя.

– Чем мы можем быть вам полезны, мистер?.. – я намеренно не договорила, и вопрос повис в воздухе.

Словно не осознавая разверзшейся вокруг него преисподней, молодой человек с таким интимным видом подался ко мне, что я поняла: опасность исключения нависла вовсе не над Томасом. Это ему сейчас придется удерживать меня, чтобы я не отвесила заслуженную пощечину наглецу.

– Я прошу прощения за свое поведение, домнисора, – сказал он с мягким, мелодичным выговором. – Я также извиняюсь за своих товарищей, Андрея, – он указал на грубияна, и тот коротко кивнул в ответ, – и Вильгельма, моего кузена.

Я снова посмотрела на худощавого молодого человека из поезда. Лицо Вильгельма сделалось еще темнее прежнего. Что за странный оттенок кожи. Казалось, будто на лице его появились полосы красноватой грязи. Лоб его усеяли капли пота.

– Похоже, ваш кузен плохо себя чувствует, – сказал Томас. – Возможно, вам следовало бы вместо извинений позаботиться о нем.

Вильгельм тем временем набросил на плечи широкий черный плащ и, сторбившись, пошел к выходу. Мне нужно было поговорить с ним, выяснить, что ему известно об убитом из поезда.

Темноволосый молодой человек проследил за моим взглядом.

– Пермите-ми са ма презинт. Э-э... позвольте мне представиться как следует.

Он изобразил застенчивую улыбку, но она поблекла при виде моего безразличия. Если он полагал, что сумеет с ходу очаровать меня, так он ошибается. Он выпрямился, и вид у него сделался внушительный, как будто он облачился в бархатный плащ.

– Мое имя – Николае Александру Владимир Алдеа, князь Румынский.

Томас фыркнул, но молодой князь упорно смотрел мне в глаза. Я резко выдохнула, но все же сдержалась и не продемонстрировала своего удивления. Ведь он наверняка принялся размахивать тут своим титулом в надежде добиться той же реакции, какую его слова обычно вызывали у других молодых мужчин и женщин.

Мои подозрения подтвердились, когда улыбка его померкла, а когда я так и не отреагировала на его слова, исчезла вовсе. Я не стану падать в обморок от восторга после того, как со мной так скверно обошлись. Его титул может купить ему многое – но не мою приязнь.

В зале сделалось тихо, как в церкви во время службы. Все ждали, пока я заговорю. Или поклонюсь. Возможно, я нарушила все требования этикета, не встав и не проделав реверанс. Но я лишь улыбнулась и откинулась на спинку стула.

– Я бы сказала, что рада знакомству, ваше высочество, но меня с детства учили не говорить неправды.

Чтобы сохранить хоть намек на приличия, я слегка кивнула и встала. Лицо у князя Николае сделалось просто потрясающее. Как будто я сдернула перчатку и при всех этих свидетелях шлепнула его перчаткой по лицу. Мне почти что стало жаль его. Должно быть, его впервые оскорбили столь безжалостно. И что же ему делать с тем, кто не спешит трепетно ловить каждое княжеское слово?

Я кивнула моему другу.

– Мистер Крессуэлл, я подожду вас снаружи.

Когда я подобрала юбки, сидящий неподалеку рыжий кудрявый парень покачал головой. Уж не знаю, то ли его восхитила моя дерзость, то ли возмутила. Я зашагала к выходу, не оглядываясь. По пути меня сопровождало звяканье столовых приборов, падающих на тарелки, и низкий смешок Томаса. Даже братья-итальянцы оторвались от книг, и глаза у них сделались круглыми, словно чашки Петри.

Но довольство мое длилось недолго – до тех пор, пока я не заметила, что в дверном проеме стоит директор Молдовеану, и на лбу у него вздулись жилы. Он быстро двинулся ко мне, и я готова была поклясться, что следом за ним ползет огромная крылатая тварь, царапая когтями пол. Но это была всего лишь его тень, удлинившаяся в свете факелов.

– Поосторожнее с выбором врагов, мисс Уодсворт. Мне бы не хотелось, чтобы вашу и без того уже пострадавшую семью постигла новая трагедия. Насколько я понимаю, фамилия и род Уодсвортов уже почти уничтожен.

Я вздрогнула. Отец опубликовал весьма расплывчатое сообщение о смерти брата, но директор держался так, словно подозревал обман. Он пристально посмотрел на меня, приподняв губу не то в улыбке, не то в презрительной ухмылке.

– Интересно, не покинут ли вашего отца силы, если с его последним оставшихся в живых ребенком случится что-то страшное? Опиум – очень неприятная привычка. От нее очень сложно оправиться полностью. Впрочем, я уверен, что вы это осознаете. Вы кажетесь не лишенной разума. Для девушки. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

– Да как вы?..

– Это мой долг – узнавать все о потенциальных студентах. Все до последней капли. Не тешьте себя ложной надеждой, что сумеете сохранить свои тайны. Я выведываю их и о живых, и о мертвых. Я уверен, что выяснение истины всегда окупается.

Мои внутренности скрутило от страха. Молдовеану угрожал мне, и я ничего не могла с этим сделать. Директор задержал на мне взгляд еще на мгновение, словно надеялся испепелить меня, и прошел в обеденный зал. Я пришла в себя, лишь когда он уже был в противоположном конце зала.

– Завтрак окончен! – объявил директор. – До вечера можете заниматься, чем пожелаете.

Я побежала к себе в покои за зимним пальто и чистыми перчатками; мне не терпелось оказаться подальше от этого гнусного замка и его отвратительных обитателей.

Глава девятая

Княжеский город

Дорога через лес
Poteca
Брашов
2 декабря 1888 года

– Отныне князь Задавака – твой почитатель, Уодсворт. – Томас толкнул меня плечом, изо всех сил стараясь скрыть свое удовольствие от того, что у меня появился новый смертельный враг. – Когда Молдовеану ушел, он разбил тарелку об стену и порезал пальцы. Кровь забрызгала яйца. Очень драматично.

– Такое впечатление, что ты завидуешь, что не успел первым что-нибудь разбить.

Я поскользнулась на обледенелой брусчатке, и Томас поддержал меня, потом медленно отпустил мою руку и встал на почти респектабельном расстоянии. В каждом его движении чувствовалось возбуждение. Судя по его бесконечному подтруниванию, он почти не замечал Брашов, известный также как Княжий город.

Я заметила Вильгельма: он торопливо вышел из замка, то и дело спотыкаясь. Я дернула Томаса за рукав. Я хотела поговорить с этим юношей и спросить, что он видел в поезде, но он, похоже, вознамерился любой ценой избегать меня. И это лишь укрепляло мои подозрения в его виновности.

Кожа Вильгельма выглядела немного... я даже не могла сказать точно. Казалось, будто смуглый оттенок полностью сменился темными пятнами. Как будто лихорадка прилила изнутри к лицу. Я попыталась припомнить, какое заболевание может вызвать два разных вида сыпи одновременно, но не сумела. Но это определенно не была скарлатина – ее симптомы я знала хорошо.

Мы шли на достаточном расстоянии от Вильгельма, чтобы он или не заметил нас, или предположил, что мы направляемся в селение с собственными целями. Я хотела изучить его, посмотреть, куда он пойдет первым делом. Быть может, это нам что-нибудь подскажет. А если мы накинемся на него с расспросами сейчас, он, скорее, всего изменит маршрут. Я поделилась с Томасом своими подозрениями, и он согласился, что лучше всего действовать именно так.

Я смотрела на землю, отмечая следы, оставленные Вильгельмом на свежевыпавшем снеге, и его уверенную походку. Похоже, он перестал спотыкаться, но у края дорожки обнаружила свежая рвота. Я не изучала ее пристально и постаралась побыстрее пройти мимо. Возможно, Вильгельм просто направляется к кому-то за лекарством от своей болезни. Хотя странно, почему он отправился в селение, а не обратился к доктору в замке.

Я сунула руки в карманы и снова чуть не поскользнулась. Со всей этой суетой в обеденном зале я совсем позабыла про рисунок. Я огляделась по сторонам, дабы убедиться, что мы с Томасом одни на тропе – не считая Вильгельма, но тот шел далеко впереди и не обращал на нас ни малейшего внимания. Я остановилась и принялась копаться в кармане – и осознала, что рисунка там больше нет.

– Только не говори мне, что я отказался от неподобающей привычки к курению лишь затем, чтобы ее подобрала ты.

– Что-что?

Я пошарила в карманах юбки, потом во внутреннем кармане зимнего пальто. Пусто. Сердце мое глухо заколотилось. Если бы я сегодня утром не показывала рисунок Анастасии и

Иляне, я бы испугалась, что он мне просто примерещился. Я вывернула карманы. В них ничего не было.

– Уодсворт, да что ты ищешь?

– Моего дракона, – ответила я, пытаюсь вспомнить, положила ли я рисунок обратно в карман, прежде чем спуститься в обеденный зал. – Должно быть, я оставила его в своей комнате.

Томас посмотрел на меня со странным выражением лица.

– А где ты взяла дракона? Я уверен, что множество ученых самого разного профиля пожелают побеседовать с тобой и взглянуть на этот экземпляр. Так он достаточно мал, чтобы поместиться у тебя в кармане? Какое открытие!

– Это рисунок из моего купе, – сказала я и глубоко вздохнула. – Я нашла его после того, как стражники унесли тело.

– А! Понятно.

Томас вдруг развернулся и зашагал к селу, оставив меня стоять на месте с разинутым ртом.

Я подхватила юбки, стараясь не поднимать их выше края ботинок, и поспешила за ним.

– В чем дело?

Томас кивком указал на кусты, растущие вдоль тропы. Я проследила за его взглядом и заметила на снегу у края леса следы, напоминающие отпечатки лап крупной собаки. Похоже, они двигались по следу рвоты Вильгельма. Мне крайне не хотелось сталкиваться ни с его болезнью, чем бы она ни являлась, ни с этим животным, что следовало за ним. Молодой человек, находившийся уже почти у самого гребня горы, снова споткнулся. Мне захотелось побежать к нему и предложить опереться на меня. Он вправду выглядел неважно.

Томас, внимательно следивший за нашим соучеником, зашагал прямо по снегу.

– Нам лучше не оставаться здесь, когда солнце зайдет, – сказал Томас. – Сейчас зима, а в это время в лесу мало пищи. Лучше не искушать судьбу и не рисковать встречей с волками.

Но на этот раз я была слишком раздражена, чтобы представлять себе лес, кишачий дикими зверями. Я прибавила шаг и нагнала Томаса.

– Ты собираешься делать вид, будто я вовсе не упоминала об этом драконе?

Томас остановился, снял шляпу, смахнул снег, насыпавшийся на нее с ветвей, и надел обратно.

– Раз уж тебе так хочется это знать, его нарисовал я.

Я охнула и ссутулилась. Мне следовало бы обрадоваться, что в этом рисунке нет ничего зловещего и что никакой убийца не пробирался тайком ко мне в купе и не оставлял там улику в качестве насмешки. И все же я не могла скрыть своего разочарования.

– А почему ты не сказал мне об этом раньше?

– Потому что я не намеревался тебе его показывать, – со вздохом произнес Томас. – Кажется, я грублю, вместо того чтобы просто сказать: «Извини. Пожалуйста, не спрашивай про дракона. Сейчас это слишком деликатная тема».

– Я и не знала, что ты так хорошо рисуешь.

Но стоило мне произнести эти слова, как у меня промелькнуло воспоминание: Томас наклонился над трупом в дядиной лаборатории и с примечательной точностью зарисовывает стадии вскрытия. Руки его выпачканы в чернилах и угле, которые он не потрудился смыть.

– Да, неплохо. Это семейное свойство.

– Это было... мило, – сказала я. – А почему дракон?

Томас мрачно поджал губы. Я думала, что он не станет отвечать, но он глубоко вздохнул и негромко ответил:

– У моей матери была картина с ним. Я вспомнил, как смотрел на него, когда она умирала.

И не добавив больше ни слова, он зашагал по снегу. И я тоже. Мы слишком близко подошли к эмоциональной ограде, которую он возвел давным-давно. Томас никогда не говорил о

своей семье, а мне хотелось знать, как он стал таким. Я собралась с силами и поспешила за ним, и тут заметила, что Вильгельма больше не видать. Я торопилась изо всех сил, хотя в глубине души мне теперь казалось, что в путешествии Вильгельма нет совершенно ничего необычного. Просто в моем воспаленном воображении зародилась очередная фантазия.

Мы были уже неподалеку от Брашова, и мне уже осточертело пробираться по снегу и льду. Подол моей юбки промок и заледенел, как пальцы трупа. Брюки и костюм для верховой езды куда удобнее! На самом деле разумнее было бы остаться в замке и изучить класс для занятий анатомией и комнату таксидермии. Мы не просто впустую теряли время, следуя за больным юношей, – мы к тому же промокли и замерзли. Я уже почти ощущала, как меня охватывает свойственное отцу беспокойство – как бы не подхватить инфлюэнцу!

– Ну наконец-то! – Я разглядела здания, на которые указывал Томас. Его улыбка сделалась чуть более искренней. Село появилось перед нами пока лишь цветными пятнами в про-светах между вечнозелеными деревьями, но возбуждение заставило меня двигаться быстрее. А потом, когда мы посмотрели вниз с холма, я наконец-то узрела полностью драгоценность, спрятанную между скалистыми горами.

Мы шли по заснеженной тропе, и внимание наше было приковано к разноцветному селению. Здания жались друг к другу, словно очаровательные придворные дамы, и стены их были выкрашены в лососевый, желтый и нежнейший голубой цвета. Были там и другие дома, построенные из светлого камня, с терракотовыми крышами.

Величественнее всех смотрелась церковь. Ее готический шпиль был устремлен в небо. С того места, где мы стояли, видна была ее красная черепичная крыша над массивным зданием из светлого камня и витражные окна. У меня защипало глаза, я моргнула, отгоняя восторженное благоговение. Возможно, эта прогулка не была совсем уж напрасной тратой времени.

– Бизерика Негра. – Томас усмехнулся. – Черная церковь. Летом люди собираются, чтобы послушать органную музыку, льющуюся из церкви. Еще в ней находится больше сотни турецких ковров. Это потрясающе.

– Тебе известны самые странные факты.

– Я произвел на тебя впечатление? Это я еще не упомянул, что ее восстановили после большого пожара и что именем своим она обязана почерневшим камням. Не хотел вызывать у тебя чрезмерный восторг. Нам надо навести справки о нашем подозреваемом.

Я улыбнулась, но промолчала, не желая делиться опасением, что вся эта прогулка была глупостью. Вполне возможно, что Вильгельм был просто обычным пассажиром и что он уже тогда был болен. Болезнь вполне объясняла бы его нервозность: он мог плохо себя чувствовать, и зрелище трупа оказалось для него чрезмерным потрясением.

Мы шли молча и наконец добрались до старинного селения. Онемение в ногах прошло, но теперь мне казалось, будто я в одних чулках иду по битому стеклу. Лизу очаровал бы снег, припорошивший крыши и поблескивающий в лучах солнца, словно сахар. Надо будет сегодня написать ей.

Я чуть замедлила шаг, выискивая на мощенных брусчаткой улицах черный плащ Вильгельма. Я заметила, как темное пятно исчезло в магазине, но не смогла с такого расстояния прочитать вывеску. Я указала на него Томасу.

– Думаю, он пошел туда.

– Веди, Уодсворт. А я поддержу тебя своей грубой силой и обаянием.

Мы вошли в магазин, торгующий журналами, бумагой и всем, что могло понадобиться для рисования или письма. Вполне возможно, что Вильгельм приходил сюда за запасами для учебы. Я двинулась вдоль узких рядов, заставленных рулонами бумаги.

В магазине витал приятный запах чернил и бумаги, как будто я уткнулась носом в старую книгу. Аромат старинных страниц стоило бы запечатывать в бутылочки и продавать ценителям.

Я улыбнулась хозяину магазина, морщинистому пожилому человеку с доброй улыбкой.
– Мы ищем нашего соученика. Кажется, он заходил сюда вот только что.

Старик нахмурил брови и что-то быстро сказал по-румынски – слишком быстро, чтобы я могла разобрать его слова. Томас шагнул вперед и заговорил столь же быстро. Так они переговаривались некоторое время, а потом Томас повернулся ко мне и двинулся к выходу. Я наконец уловила суть разговора, но Томас все равно перевел мне:

– Он сказал, что его сын только что принес новые товары, а больше за все утро сюда никто не заходил.

Я посмотрела на выстроившиеся в линию магазинчики. По вывескам и витринам ясно было, чем они торгуют. Сладости и ткани, шляпы и обувь. Вильгельм мог зайти в любой из них.

– Может, нам разделить и проверить каждую лавочку?

Мы попрощались с хозяином магазина и вышли. Я подошла к соседнему магазину и остановилась. У меня перехватило дыхание при виде платья, гордо красующегося в центре витрины, – оно было достойно королевской особы. Расшитый драгоценными камнями лиф сверху был бледно-желтым, потом приобретал оттенок сливочного масла и к талии переходил в снежно-белый. Юбка из тончайшей шелковой сетки напоминала облака; белый, кремовый и бледно-желтый оттенки чудесным образом переходили друг в друга.

Его пошили воистину искусные руки, и я, не удержавшись, подошла, чтобы рассмотреть его получше. Я почти уткнулась лицом в толстое мутноватое неровное стекло, отделявшее меня от этого платья. Рассыпанные по низкому вырезу лифа камни сверкали в дневном свете, словно звезды.

– Какое утонченное мастерство! Это же... совершенство! Греза во плоти! Или солнечный свет!

Платье было так великолепно, что я на мгновение позабыла о нашей задаче. Осознав вдруг, что Томас не ответил и даже не поддел меня за то, что я отвлекаюсь от дела, я оглянулась. Он смотрел на меня с глубочайшим изумлением и сам не сразу вышел из задумчивости. Выпрямившись во весь рост, он указал пальцем на соседнюю витрину.

– Вырез такой красоты несомненно вызвал бы волнения. И немало... грез. – Он улыбнулся мимолетной волчьей ухмылкой. Я скрестила руки на груди. – Не то чтобы ты не могла сама усмирить толпы поклонников. Я уверен, что ты прекрасно бы с этим справилась. Однако же, твой отец велел сопровождать тебя повсюду и беречь от неприятностей.

– Если это правда, то ему не стоило просить тебя опекать меня.

– Как? На что ты меня подбиваешь? Неужто мне следовало презреть желания твоего отца?

Томас смотрел на меня с неожиданным вызовом. Я не видела его серьезным с тех самых пор, как он заключил меня в объятия и позволил своим губам без слов выразить свои глубочайшие желания. У меня на миг перехватило дыхание, когда я вспомнила – в живейших подробностях – ощущения и правильность нашего неправильного поцелуя.

– Чего ты от меня хочешь, Одри Роуз? Каковы твои желания?

Я отступила на шаг; сердце мое лихорадочно колотилось. Сильнее всего мне хотелось рассказать ему, как меня пугают появившиеся в последнее время ужасные видения. Я хотела, чтобы он успокоил меня и заверил, что постепенно это пройдет. Что я снова стану пускать в ход скальпель, не боясь, что мертвец восстанет. Мне нестерпимо хотелось, чтобы он пообещал, что наша помолвка не станет для меня клеткой. Но как я могла сказать такое, когда он был столь уязвим? Как я могла признать, что надлом мой усиливается, и я понятия не имею, как это исправить? Что я, возможно, в конце концов уничтожу вместе с собой и его?

– В данный момент? – Я подошла ближе, глядя, как напряглась его шея, когда он кивнул. – Я хочу знать, что именно Вильгельм увидел в поезде – если он действительно что-то видел. Я

хочу знать, почему двух человек убили – всадили им кол в сердце, – как будто они стригои. И я хочу найти улики, прежде чем у нас на руках потенциально окажется еще один Потрошитель.

Томас выдохнул, но выдох этот был чересчур громким для небрежного. В глубине души мне захотелось взять свои слова обратно, сказать, что я люблю его и желаю всего, что предлагали мне его глаза. Возможно, я сделала величайшую глупость. Я промолчала. Пусть лучше он испытает временное разочарование, чем постоянно страдать от моих смятенных чувств.

– Тогда вперед, на охоту. – Он протянул мне руку. – Идем?

Я заколебалась. На мгновение мне показалось, что я вижу какую-то тень, движущуюся к нам из-за угла. Пульс мой участился. Я ждала, пока владелец этой тени подойдет к нам. Томас проследил за моим взглядом, нахмурился, потом повернулся и оглядел меня.

– Я думаю, Крессуэлл, нам лучше разделить и поискать Вильгельма по отдельности.

– Как угодно даме.

Томас задержал на мне взгляд на миг дольше, чем следовало бы, а потом, прежде, чем я поняла, что он собирается сделать, запечатлел на моей щеке невинный поцелуй. Он медленно отстранился. Глаза его блестели озорством. Я быстро оглянулась, не видел ли кто столь неподобающего поведения. Но тень, касательно которой я готова была поклясться, что она движется в нашу сторону, исчезла.

Я отогнала ощущение, что за мною кто-то незримо наблюдает, и призналась себе, что воображение снова взяло надо мною верх. И вошла в одежную лавку. Свободные края ярких тканей стекали с рулонов, словно шелковая кровь. По пути к раскроечному столу, расположенному в глубине лавки, я провела рукой по атласу и тонким кружевам.

– Буна, – поздоровалась со мной низенькая пухленькая женщина.

– Буна. Сюда кто-нибудь заходил? Молодой человек? Очень больной. Э-э... форте болнав.

Седая женщина продолжала улыбаться, демонстрируя ямочки на щеках, и я понадеялась, что она поняла мой румынский. Она быстро оглядела меня, словно выискивая, нет ли у меня змеи в рукаве или еще какого подвоха, которого ей следовало бы опасаться.

– Нет, молодые люди сегодня не заходили.

Тут мое внимание привлек висящий на стене за ее спиной рисунок, портрет молодой женщины. Он был окружен какими-то записями на румынском. Меня пробрал озноб. Светлые волосы женщины чем-то напомнили мне Анастасию.

– Что здесь говорится?

Хозяйка лавки отвела полотнища ткани и показала на календарь на своем столе, ткнув ножницами в слово «Винери». Пятница.

– Прошла три ночи назад. Ее видели возле леса. Потом нимик. Ничего. Приколичи.

– Какой ужас! – У меня перехватило дыхание. Эта женщина действительно верила, что по окрестностям рыскает немертвый волк-оборотень и выискивает жертв. Однако же при мысли о том, что можно заблудиться в этих ужасных лесах, у меня ноги сделались словно ватные. Я от души понадеялась, что девушка сумела добраться до какого-нибудь безопасного места. Но если снег шел всю ночь, выжить было невозможно.

Я выбрала себе новые чулки и, расплатившись с хозяйкой лавки, заменила ими свои промокшие. Чулки были толстыми и теплыми, и мои ноги словно окутали мягкие облака.

– Спасибо... мультумешч. Надеюсь, что эта девушка скоро найдется.

Тут мое внимание привлекла какая-то суматоха на улице. По мощенной брусчаткой улице бежали люди с широко распахнутыми, немигающими глазами. Мягкая на вид владелица лавки сжала губы и достала из-за прилавка железную трубу.

– Вернись, девушка. Там плохо. Форте рау.

Страх пронзил мои жилы, но я подавила его. Здесь мне нельзя было поддаваться подобным эмоциям. Я в новом месте и не вернусь к старым привычкам. И неважно, если что-то

считают очень скверным. Нет ничего хуже наших собственных страхов. Я была совершенно убеждена, что никто не охотится на людей на этих улицах, особенно среди бела дня.

– Со мной ничего не случится.

И я не колеблясь отворила дверь, подобрала юбки и побежала к небольшой толпе, собравшейся у переулка в конце торговой улицы.

Холод проник в щели моего доспеха, защищающего чувства: ледяные пальцы скользнули по моей коже. Я не выдержала этого касания и задрожала под бледным утренним светом.

Приближалась очередная буря. Из серых туч сыпались снежинки и крупинки льда, предупреждая, что дальше будет хуже. Намного хуже.

Глава десятая

Очень странно

Улицы селения
Strazile din sat
Брашов
2 декабря 1888 года

Я пригнулась пониже, так, чтобы взглянуть между людьми, толпящимися вокруг места происшествия. Первым, что я увидела, были ноги человека, лежащего на снегу.

Судя по легким кожаным туфлям, это был мужчина. Я оглядела толпу, чувствуя, как в душу мою заползает страх.

Я искала весьма высокого молодого человека. С прямыми бровями и насмешливым изгибом губ. Но Томаса нигде не было видно. Он всегда оказывался там, где таилась неприятность. Меня затопил холод.

– Нет!

Я кинулась вперед, словно марионетка, которую кукловод дернул за веревочки. Если с Томасом что-то случилось... я не сумела закончить эту мысль. Каждая моя клеточка звенела от страха.

Пользуясь своим худощавым сложением, я протиснулась между молодыми мужчинами. Ужас придавал мне сил и решимости. Когда один мужчина не пожелал отодвинуться, я оттолкнула его. Он налетел на соседа. Оба завопили что-то по-румынски. Судя по тому, что я смогла разобрать, они отнюдь не обменивались любезностями. Я знала, что веду себя непростительно грубо, но если Томасу плохо, я хоть всю Румынию пропащу при необходимости, оставляя за собой кости и пепел.

Когда тело наконец оказалось передо мной, я стиснула зубы и от потрясения немного прикусила язык. На снегу недвижно лежал Вильгельм. Я закрыла глаза. Я от всей души радовалась, что это не Томас, и корила себя за это. Это было недостойно с моей стороны. И ведь уже не в первый раз я получала утешение за чужой счет.

Как только это чудовищное ощущение отступило, я сосредоточила внимание на бедном юноше. Со своего места я не видела никаких ран. Судя по полнейшей неподвижности, Вильгельм не дышал. В морозном воздухе не видно было облачка пара над его ртом. Но зато кожа вокруг рта слегка изменила цвет, и на губах выступила пена.

Снег вокруг Вильгельма остался нетронут. Никто не попытался вернуть его к жизни и даже не прикоснулся к нему. Не то чтобы я ждала этого от крестьян. Они этому не обучены. Разве что поблизости случился бы врач... И кроме того, вполне могло оказаться, что крестьяне слишком испуганы, чтобы приблизиться к покойному. У меня все внутри сжалось. Вильгельм был так молод! Мне следовало раньше довериться моим инстинктам. Ведь очевидно было, что он страдает.

Я придвинулась ближе и заметила цепочку следов, что начиналась в нескольких футах от тела и уходила в переулок. Я прищурилась. Уж не убийца ли оставил эти следы? Возможно, Вильгельм умер от естественных причин, хотя молодые люди обычно не падают замертво во время прогулки. Да, кожа его имела красноватый оттенок, но не похоже, что он был настолько болен, чтобы внезапно скончаться.

Я мысленно пролистала хранящиеся у меня в памяти сведения о медицине. Возможно, не исключена аневризма. Это объяснило бы отсутствие внешних повреждений и следы пены на губах. Но не решало загадку с изменением цвета кожи у рта.

Надо послать кого-то к директору. Ведь один из его студентов мертв. А где проведут криминалистическую экспертизу лучше, чем в находящейся тут под боком академии? Ну хоть что-то хорошее посреди этого кошмара.

Я наклонилась, стараясь не коснуться Вильгельма, чтобы не нарушить ничего. В памяти у меня всплыли дядины уроки. Если здесь замешаны дурные намерения, то вполне возможно, что убийца сейчас где-то здесь и наблюдает за происходящим. Я оглядела толпу, но на вид никто в ней не выделялся.

Мужчины и женщины, самого разного возраста и комплекции, таращились на меня. Они обвиняюще перешептывались на чужеземном языке, но я читала отвращение на их лицах и в том, как они шурились, как часто-часто крестились или рассеянно прикасались к своим священным реликвиям, словно уверяя себя, что Господь присутствует и здесь. Господа я вывела за скобки и попыталась припомнить, какие еще бывают заболевания с возможным стремительным летальным исходом и кто из них мог поразить моего соученика. Инфаркт миокарда? Нет, вряд ли.

Разве что у него с самого детства было больное сердце. Вероятность не хуже прочих. Моя мать страдала этим. Нам повезло, что мы не лишились ее раньше. Натаниэль говорил, что лишь ее железная воля продержала ее в живых так долго.

Я снова посмотрела на отпечатки ног. Меня замутило. Возможно, они тут были ни при чем и Вильгельм стал жертвой своей болезни. Убийство, произошедшее в этом селе ранее, было неприкрытым: мужчине проткнули колом сердце, а не прикончили неким неидентифицируемым образом, замаскированным под естественные причины.

– У вас проблемы со слухом, мисс Уодсворт?

Услышав низкий голос Молдовеану, я отпрянула от трупа и выпрямилась. Лицо мое вспыхнуло. Я поняла, что он, должно быть, уже некоторое время обращается ко мне, а я не отвечаю, и это добавило яду в его голос. Директор определенно быстро прибыл на место происшествия. Он смотрелся очень внушительно, нависая надо мной и мертвым телом у моих ног. Некий природный механизм вынудил меня отступить на шаг. Я огляделась в поисках Томаса.

– Нет, директор. Я задумалась.

– Это явно не ваша сильная сторона, мисс Уодсворт. – Взгляд директора Молдовеану пронзил меня насквозь. – Отойдите и дайте мне заняться делом.

Еще никогда в жизни я не испытывала такого яростного побуждения дать кому-то отпор. Директору даже не понадобилось произносить то, что он откровенно подразумевал: мужчина справится с этим лучше.

Женщина, стоявшая неподалеку от трупа, вытерла слезы своему ребенку и что-то визгливо выкрикнула; от ее слов толпа снова зашумела. Молдовеану по-румынски прорычал приказ, веля всем отойти, и тем предотвратил усиливающееся возбуждение.

– Убирайтесь же с моей дороги, пока я не замерз насмерть. – Директор скрипнул зубами и проговорил по-английски, медленно, словно обращаясь к полнейшей тупице: – Здесь не экскурсия для белошвеек, хотя, возможно, именно там вам самое место.

Мое лицо снова вспыхнуло. Я чуть отступила в сторону, но я не желала отходить к широкому кругу зевак. И плевать, если он отчислит меня за непочтительность. Я не позволю, чтобы со мной обращались как с существом второго сорта, и все лишь потому, что я благословлена способностью рожать детей. Я мысленно прикрикнула на себя, веля не обращать на это внимания, но просто не могла этого сделать, и к черту последствия!

Я выпрямилась.

– Мое место – со скальпелем в руках, сэр. Вы не имеете права...

Боковым зрением я заметила, что палец жертвы шевельнулся – я готова была в этом поклясться. Кровь моя застыла вместе с резкими словами, которые я собиралась бросить в лицо директору. В сознании моем промелькнули мысли о смертоносных электрических маши-

нах, сердцах, работающих на паре, и украденных органах. Все вокруг залила оглушительная тишина: бормотание множества голосов, ядовитая насмешка Молдовеану, хлюпанье носом и произносимые шепотом молитвы, стук ледяной крупы об камни – все сменила пустота, а моя память терзала меня картинами того, как безжизненное тело моей матери пытается восстать из мертвых.

Я до сих пор видела, как ее руки и торс рывками приподнимаются над тем столом. До сих пор ощущала едкий запах горелой плоти и волос, плывущий по лаборатории, сладковатый и тошнотворный. Ощущала ту ужасную, лишающую сил смесь страха и надежды, с которой я пыталась нащупать давно исчезнувший пульс. Порыв ветра сорвал ставень и грохнул им об стену рядом с темным окном, выходящим в переулок. Занавески затрепетали и отлетели внутрь, и я была почти уверена, что увидела фигуру в плаще, затерявшуюся между его темными складками. Я отступила, пошатнувшись, и, не обращая внимания на язвительные шепотки крестьян, пронзавшие мою рушащуюся эмоциональную стену, пустилась бежать.

Это случалось почти каждый раз, как я осматривала труп. Мне нужно продышаться. Мне нужно отправить все эти картины на покой, или я действительно сделаюсь той неудачницей, которой меня считает директор Молдовеану. Я забежала за угол и остановилась, переводя дыхание и глядя на кирпичную стену. Я не была религиозна, но сейчас я молилась о том, чтобы не потерять сознание. Только не здесь, в присутствии этого кошмарного директора.

Слезинка выкатилась у меня из-под века. Если я не найду способ избавиться от этих навязчивых видений, я ни за что не одолею вводный курс и не поступлю в академию.

Тут я заметила тень, густую, как смола, и я поняла, кто это, прежде, чем он заговорил. Я подняла руку, останавливая его.

– Если ты скажешь хоть слово о том, что тут произошло, я никогда больше не стану с тобой разговаривать, Крессуэлл. Не дави на меня.

– Приятно знать, что я не единственный джентльмен, которому вы говорите столь милые и располагающие вещи, домнисора Уодсворт. Это утешает. Хотя и несколько шокирует.

Я резко развернулась и оказалась, к своему изумлению, лицом к лицу с князем Николае. Кадык его дернулся, словно князь проглотил какое-то более грубое высказывание. Взгляд его был словно отточенный кинжал, рассекающий мое лицо повсюду, где только касался его.

– До меня доходили слухи о вашей связи с убийствами Потрошителя. Это произвело на меня немалое впечатление, и я решил присмотреться к вам. – Князь медленно обошел меня кругом. – Я видел, как вы шли за моим кузеном. Вы не можете этого отрицать. Потом вы смотрели на его труп, словно гурман на редкий деликатес. Возможно, вы подсунули ему что-то смертельное. Он сказал мне, что вы ехали с ним из Бухареста одним поездом. Вот и возможность, а?

Я недоуменно уставилась на Николае. Он что, всерьез уверен, что я брошу изучать смерть ради того, чтобы творить ее? Да быть не может!

– Я...

– Вы блестемат, – буквально прорычал он. – Проклятая.

Тут мои мысли прервало рыдание; князь гневно вытер глаза и отвернулся.

Я закрыла рот. Что бы он ни говорил сейчас, как бы ни гневался и ни сыпал обвинениями – это говорит его горе. Внезапная потеря. Попытка отыскать хоть какой-то смысл в той части жизни, над которой мы не властны. Мне слишком хорошо были известны эти ощущения. Я протянула было к нему руку в перчатке – и уронила ее. Этой болью я не хотела делиться ни с кем. Даже с кажущимся врагом.

– Я... я сочувствую вашей потере. Я знаю, что слова пусты, но мне вправду очень жаль.

Князь Николае поднял взгляд на меня и стиснул кулаки.

– Еще не настолько жаль, как вам подобает.

Он зашагал прочь по переулку, а я осталась стоять одна. Меня била дрожь. Если я и не была проклята раньше, теперь у меня определенно возникло ощущение, как будто некая тьма легла на меня вместе с этим заявлением. Снег со льдом пошел сильнее, как будто весь мир сейчас горевал о моей возможной потере.

Томас появился из-за угла в тот самый момент, как князь добрался до конца переуллка; он толкнул моего друга плечом. Не обращая внимания на это проявление неуважения, Томас быстро зашагал ко мне. Когда он увидел мое лицо, уголки его губ опустились.

– Уодсворт, с тобой все в порядке? У меня состоялся чрезвычайно интересный спор с... пекарем, но я пришел сразу же, как только смог.

С губ моих срывались облачка пара. Я не желала знать, почему Томас поспорил с пекарем. Даже если это было правдой, в чем я сомневалась, исходя из его легкого замешательства. Но трудно было удержаться от проявления тревоги при той возмутительной картине, что врезалась в мое сознание.

– Князь Николае считает, что я виновна в смерти Вильгельма. Судя по всему, он увидел, как мы шли за ним следом, а я не выглядела достаточно потрясенной рядом с трупом его кузена.

Томас некоторое время молчал – нехарактерно для него, – внимательно вглядываясь в мое лицо. Я чуть не заерзала под этим изучающим взглядом, но все же удержалась.

– Как ты себя чувствовала, увидев тело?

Пальто мое отсырело от снега, и я не сдержала дрожи. Томас попытался предложить мне свое шерстяное пальто, но я покачала головой. Меня не волновал подтекст его вопроса. Я ни за что не сумею совладать с этой академией и ее убожеством, если буду знать, что Томас тоже сомневается во мне.

– Точно так же, как любой студент школы криминалистики. Что ты имеешь в виду, Кре-суэлл? Ты считаешь меня некомпетентной, как и наш директор?

– Вовсе нет. – Он кивком указал на конец переуллка. К этому моменту толпа успела подрасти. – Но если ты иногда испытываешь горе или сильные чувства, это не делает тебя слабой, Уодсворт. Иногда сила в том, чтобы знать, когда пора немного позаботиться о себе.

– Значит, вот чем мне надо заняться? – убийственно тихо поинтересовалась я.

– Ты хочешь знать, правда? Да. – Томас выпрямился. – Я считаю, для тебя может оказаться целительным, если ты признаешь тот факт, что с момента твоей потери прошло всего несколько недель. Тебе нужно время, чтобы отгоревать. Я думаю, нам следует вернуться в Лондон. Мы можем вернуться в академию весной и предпринять еще одну попытку.

У меня голова пошла кругом. Не может быть, чтобы мы с Томасом сейчас всерьез разговаривали о том, что он считает лучшим для меня! Но прежде, чем я сумела сформулировать ответ, он добавил:

– У нас нет причин сейчас оставаться здесь, Уодсворт. Твой дядя – превосходный наставник, и мы будем продолжать учиться под его руководством, пока тебе не станет лучше. – Он глубоко вздохнул, словно бы набираясь мужества продолжить. – Я сейчас же напишу твоему отцу и сообщу ему об изменении планов. Так будет лучше.

Воображаемые решетки воздвиглись вокруг меня, образуя клетку. Именно это и было причиной моего беспокойства, связанного с помолвкой. Я чувствовала, как моя самостоятельность ускользает от меня каждый раз, как Томас принимался советовать, что мне надлежит сделать. Разве не так это происходит? Основные права и желания медленно разрушаются под воздействием чужих представлений о том, как ты должен поступать.

Я никогда не узнаю, что лучше для меня, если кто-то будет сопровождать непрошеными советами каждый мой шаг. Ошибки – это способ приобрести опыт, а не конец света. А что, если я сейчас как раз и совершаю ошибку, когда гоню себя вперед, вместо того чтобы встать лицом к лицу с призраками прошлого? Но выбор должна сделать я, и никто иной. Я думала, что Томас это понимает, что уж настолько-то он меня знает. И когда-то так оно и было. Но отчего-

то он теперь перестал думать головой. Где-то по пути мистер Томас Крессуэлл – или, точнее, бесчувственный сухарь, как его называли, – отрастил себе уязвимое человеческое сердце.

Я не могла стерпеть, чтобы он съехал на одобряемую обществом роль мужчины и принялся обращаться со мной как с существом, нуждающимся в защите и опеке. Я уважала его и восхищалась им и ждала в ответ такого же отношения. Я знала, что мне придется проявить резкость, чтобы заставить его опомниться, но это не доставляло мне удовольствия.

Сердце – штука прекрасная, неистовая, но хрупкая. А я вовсе не желала разбить сердце Томаса.

– Если вы способны к чему-либо прислушаться, мистер Крессуэлл, – сказала я ровным тоном, – то выслушайте меня. Пожалуйста, не допускайте такой ошибки и не говорите мне, что будет для меня лучше, как будто вы – единственный авторитет в этом вопросе. Если вы хотите вернуться в Лондон, вы вольны это сделать, но я с вами не поеду. Надеюсь, я высказалась достаточно ясно.

Я не стала ждать, что он ответит. Я развернулась и зашагала в сторону замка, оставив и Томаса, и нашего скончавшегося соученика позади, но сердце мое билось неровно.

Глава одиннадцатая

Нечто недоброе

Покои Анастасии
Camera Anastasiei
Замок Бран
2 декабря 1888 года

– Ильяна сказала, что с тех пор, как тело Вильгельма принесли в замок, князь Николае занят тем, что громит свою комнату. Ваш класс будет выполнять вскрытие завтра, после того, как дядя изучит труп.

Анастасия отпустила горничную и теперь стояла перед зеркалом, вынимала булавки из своих золотых кос и причудливо укладывала их по-новому на макушке. Ее покои были немного больше моих и располагались этажом выше наших учебных кабинетов. Молдовеану позаботился, чтобы его подопечная не испытывала недостатка ни в чем. Что свидетельствовало, что у него все-таки есть сердце.

Моя новая подруга щебетала, пересказывая ходившие в замке слухи о князе, но я поймала себя на том, что то и дело отвлекаюсь на размышления о самом здании замка. Академия почти опустела в канун рождественских праздников, не считая нашей группы претендентов и основной части персонала, а коридоры, ведущие сюда, были полны уголков и ниш, в которых стояли как научные, так и религиозные скульптуры. В промежутках между нишами висели гобелены с изображениями посажения на кол и прочих отвратительных сцен. Анастасия объяснила мне, что это события времен правления Влада, его победы, увековеченные в этих залах.

На одном из постаментов стояла грудная клетка под стеклянным колпаком, на другом – легкие. Еще к одному я не решилась присматриваться внимательно – там вокруг креста обвивалась змея. Временами эти коридоры напоминали мне дядину лабораторию и его специфическую коллекцию. В других же местах у меня мурашки ползли по коже. Хотя лучше уж размышлять о мрачном замке, чем иметь дело с нынешним разговором о Николае.

– Вспыльчивость – это показатель эмоциональной нестабильности, я это прочла в журнале прошлым летом, – сказала Анастасия. Ее ни капли не смущало, что я не отвечаю на ее щебетание. – Оно определенно воздействует на положение князя Николая в академии. Сомневаюсь, что он восстановит душевное равновесие до конца вашего пробного курса. Весьма печально для него. Зато неплохо для остальных.

Меня мучило от вины: князь горюет о своем умершем кузене, а мы тут сплетничаем о нем. Я хотела получить место в академии, но совершенно не желала, чтобы причиной тому стала временная слабость моих соперников. Или из-за внезапной смерти одного из них. Полагаю, мне еще было немного нехорошо из-за того, что я наговорила Томасу перед тем, как покинуть его в переулке. Мне на миг вспомнилось безжизненное тело Вильгельма. Меня по-прежнему продолжала беспокоить моя реакция на покойника. Всякий раз, как я оказывалась рядом с трупом, на меня наваливались воспоминания, которые мне хотелось бы забыть.

Если я не справлюсь с этим кошмаром в ближайшее время, я не удержусь в академии. И это, как я подозреваю, весьма порадует директора Молдовеану. Я поерзала на диване, провела рукой в перчатке по деревянному подлокотнику.

– А почему ваш дядя допускает молодых женщин в академию, если он их так презирает?

– Строго говоря, он мне не родственник. – Анастасия потянулась за своим дневником. – Хотя мог бы им быть стать, если бы мою тетю не убили.

– Как печально слышать это, – сказала я. Мне не хотелось углубляться в эту тему и спрашивать о потенциально жутких подробностях. – Терять близких – это самое ужасное, что только может случиться с человеком.

– Спасибо. – Анастасия печально улыбнулась. – Моя тетя не была заинтересована в образе жизни дамы, которую муж холит, лелеет, садит под замок и указывает, что ей делать. Молдовеану уважал ее. Никогда не давил на нее, чтобы заставить остаться с ним.

Анастасия заправила белокурую прядь за ухо, и я порадовалась краткому перерыву в разговоре. Я была ошеломлена. Отношения Молдовеану с его бывшей невестой так походили на то, что меня беспокоило в отношениях с Томасом! Я не простила директору его неблагоприятного поведения, но я стала чуть лучше его понимать.

– Он сильно изменился после того, как было найдено ее тело, – сказала Анастасия. – Я понимаю, в это трудно поверить, но он держится так холодно потому, что считает, что это может когда-нибудь, в конце концов, спасти жизнь. Именно поэтому мне не дозволено стать студенткой, хотя он разрешает мне иногда пробираться на занятия.

Анастасия открыла дневник, и я не стала давить на нее, выспрашивая дополнительные сведения об убийстве ее тети. Я огляделась по сторонам, ища, чем бы занять себя, и заметила на столе книгу с латинскими изречениями. Чтобы пройти этот курс, надо отлично знать латынь. Ее мне тоже требовалось улучшить, хотя базовые знания у меня имелись, благодаря дядиным урокам. Секунды медленно тянулись в тишине. Я не могла избавиться от воспоминаний о боли на лице Томаса.

Я потеряла кружева перчатки.

– Интересно, какой же окажется причина смерти Вильгельма. У него был такой странный цвет лица... – У меня мурашки ползли по коже, но я зажала свой страх в кулак. – Не припоминаю, чтобы мне доводилось видеть тело в таком состоянии.

– Ужасно! – Анастасия наморщила носик. – Я и забыла, что вы осмотрели тело прежде, чем дядя заставил вас вернуться в замок. Я никогда не читала о подобных симптомах. – Она заговорила по-румынски так быстро, что я перестала ее понимать, потом поджала губы. – Извините. Я забыла, что вы еще недостаточно владеете языком. Не хотите сходить в библиотеку? Возможно, там вы найдете какое-нибудь объяснение этому странному состоянию.

– Может, завтра. Сейчас я слишком устала. – Я встала и кивнула на дверь. – Я, пожалуй, пойду приму ванну. Возможно, мы сможем заняться этим завтра.

– Марет⁹! Принять ванну – это отличная идея! Я последую вашему примеру. Обожаю хорошую ванну.

– Увидимся за завтраком?

– Конечно. – Уголки ее губ на мгновение опустились, а потом Анастасия широко улыбнулась. Она плюхнулась на диван с изяществом мешка картошки и схватила латинскую книгу. – Постарайтесь отдохнуть. Сегодня был такой трагический день! Надеюсь, завтрашний будет лучше.

Когда я тихонько пробиралась по коридору, возвращаясь из покоев Анастасии, факелы по большей части уже погасли. Ночной воздух посвежел от ледяных сквозняков, и я покрылась гусиной кожей, пока шла по пустому темному коридору. У скульптур таились темные силуэты, превосходящие их размерами. Я понимала, что это всего лишь тени, но в тусклом колеблющемся свете они походили на следящих за мной сверхъестественных существ.

⁹ Великолепно (румынск.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.